сетевой научный журнал ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 4 | № 2
Volume 4 | 2018

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Сайт журнала:
rrlinguistics.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ
RESEARCH RESULT

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл.№77-69052 от 13 марта 2017г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El.№ 77-69052 of March 13, 2017

Том 4, № 2. 2018

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2313-8912

Volume 4, № 2. 2018

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: ***Дехнич О.В.****, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: ***Эри Ю.С.,*** *г. Белгород, Россия*

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: ***Ляшенко И.В.,*** *кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф.*, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия*

Аматов А.М.*, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия*

Багана Ж., *доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия*

Беседина Н.А., *доктор филологических наук, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия*

Вальтер Г.*, доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Философский факультет, Институт славистики, Германия*

Вишнякова О.Д.*, доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

Воркачёв С.Г.*, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия*

Дьяченко Т. Д.*, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия*

Златев Дж.*, доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция*

Карасик В.И.*, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия*

Клепикова Т.А.*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия*

Магировская О.В.*, доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия*

Огнева Е. А.*, доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия*

Панасенко Н.И.*, доктор филологических наук, профессор, Университет Свв. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия.*

Киевский национальный лингвистический университет, г. Киев, Украина

Порхомовский В.Я.*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия*

Риё Ж., *доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Софии Антиполис, г. Ницца, Франция*

Соколова Я.*, кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Философа, г. Нитра, Словакия*

Хлебда В.*, доктор филологических наук, профессор, Опольский университет, г. Ополе, Польша*

Шарифиан Ф.*, доктор филологических наук, профессор, Университет Монаша, г. Мельнбурн, Австралия*

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: ***Olga V. Dekhnich****, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia*

EXECUTIVE SECRETARY: ***Yulia S. Earey****, Belgorod, Russia*

ENGLISH TEXT EDITOR: ***Igor V. Lyashenko,*** *Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor , Belgorod, Russia*

EDITORIAL BOARD:

Alexandr M. Amatov*, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia*

Baghana Jerome*, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia*

Elena A. Ogneva*, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia*

Farzad Sharifian*, Doctor of Philology, Professor, Monash University, Melbourne, Australia*

Harry Walter*, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany*

Jana Sokolova*, Ph.D. in Philology, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic*

Jordan Zlatev*, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden*

Josiane Rieu*, Doctor of Philology, Professor, Nice Sophia Antipolis University , Nice, France*

Natlia A. Besedina, *Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia, Belgorod, Russia*

Nataliya I. Panasenko*, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic*

Nikolai F. Alefirenko*, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia*

Oksana V. Magirovskaya*, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communicztion of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Olga D. Vishnyakova*, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

Sergey G. Vorkachev*, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia*

Tatiana A. Klepikova*, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics , Saint-Petersburg, Russia*

Tatiana D. Dyachenko*, Ph.D. in Philology Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia*

Victor Ya. Porkhomovsky, *Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia*

Vladimir I. Karasik*, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State National Research University", Volgograd, Russia*

Wojciech Chlebda, *Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland*

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

© Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2018
© Belgorod State National Research University, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

LINGUISTICS
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

Гэ Цзиншэнь, Куприева И.А. Лингвистическая основа организации базы данных	**3**
Ge Jingshen, Irina A. Kuprieva Linguistic Basis for the Organization of a Database	**3**
Кураш С.Б., Аматов А.М., Свищёв Г.В. Военная метафора в политическом дискурсе: тактика и стратегия	**12**
Sergey B. Kurash, Alexander M. Amatov, Gennady V. Svishchov Military Metaphor in Political Discourse: Tactics and Strategy	**12**
Шустова С.В., Царенко Н.М. Дискурсивные маркеры как средство формирования прагмалингвистической компетенции	**21**
Svetlana V. Shustova, Natalia M. Tsarenko Discursive Markers as a Means of Forming Pragmatic Linguistic Competence	**21**

РАЗДЕЛ II.
ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

SECTION II.
APPLIED LINGUISTICS

Ahmed Alduais An Overview of the Typology of the Morphological Features of the Arabic Language Based on WALS Database	**30**
Ahmed Alduais An Overview of the Typology of the Morphological Features of the Arabic Language Based on WALS Database	**30**

РАЗДЕЛ III. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

SECTION III. GERMANIC LANGUAGES

Янутик С.Я. Семантические классы заимствованных аффиксов в английском языке	**47**
Stella Y. Yanutik Semantic Classes of Loaned Affixes in the English Language	**47**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811 **DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-1**

Гэ Цзиншэнь[1]
Куприева И.А.[2]

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОРГАНИЗАЦИИ БАЗЫ ДАННЫХ

[1)] Китайский Океанский Университет
ул. Юйшань, No.5, район Шинан, город Циндао, провинция Шаньдун
Китай
E-mail: jingshen@bk.ru

[2)] ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
ул. Победы, 85, Белгород, 308015
Россия
E-mail: kuprieva@yandex.ru

Печатается при поддержке Гранта Президента для государственной поддержки молодых российских ученых докторов наук РФ МД-2687.2017.6 «Вариативность английского языка Великобритании в условиях влияния политического, социального и экономического факторов (на материале Интернет-дискурса)».

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются лингвистические параметры организации базы данных на примере фразеологических единиц современного английского языка. Поскольку количество устойчивых выражений различной степени сращенности в развитых языках исчисляется десятками тысяч, изучение столь обширного фактического материала представляется достаточно сложным и трудоемким процессом. Соответственно, для удобства интерпретации и максимального рассмотрения таких сложных объектов исследования целесообразно оптимизировать процесс исследования, что сводится не просто к делению фразеологизмов на группы, которые определяются с учетом общих понятийных основ классификации и принципа антропоцентризма, но и к выбору универсальных критериев, которые впоследствии позволят выявить общие и частные основания для последующих сопоставительных исследований. Таким образом, данная статья ставит своей целью описание некоторых лингвистических стратегий организации баз данных, которые актуальны для использования в качестве контента параллельного мультиязыкового корпуса.
Ключевые слова: фразеологизмы, корпус, база данных, лингвистическая составляющая, фразообразующий компонент.

Ge Jingshen[1]
Irina A. Kuprieva[2]

LINGUISTIC BASIS FOR THE ORGANIZATION OF A DATABASE

[1)] Ocean University of China
No.5 Yushan Rd., Shinan District, Qingdao City, Shandong Province
China
E-mail: jingshen@bk.ru

[2)] Belgorod State National Research University
85 Pobeda St., Belgorod, 308015
Russia
E-mail: kuprieva@yandex.ru

Supported by the President's Grant for the state support of young Russian Doctors of Sciences MD-2687.2017.6 "The variability of the English language in Great Britain influenced by political, social and economic factors (based on Internet discourse)".

Abstract. The article covers some linguistic parameters of the organization of a database of phraseological units in the modern English language. Since the number of stable expressions of varying degrees of coalescence in certain languages is extremely large, the study of such a vast factual material seems to be a rather complex and time-consuming process. Accordingly, for the convenience of interpretation and better consideration of such complex objects of research, it is expedient to optimize the research process, which is reduced not only to the division of phraseological units into groups that are defined taking into account the general conceptual bases of classification and the principle of anthropocentrism, but also to the selection of universal criteria that will subsequently reveal general and private grounds for subsequent comparative studies. Thus, this article aims to describe some linguistic strategies for organizing databases that are relevant for use as content of a parallel multilingual corpus.
Key words: phraseological units; corpus; database; linguistic ingredient; phrase-forming component.

Основная часть:

Исследования в области фразеологии независимо от давления той или иной научной догмы, инновационного инструментария и интегративного подхода тем не менее вскрывают все больше и больше лакун для детального описания. Речь идет преимущественно о той скрытой от лингвистического взора стороне вопроса, которая ассоциирования с восприятием, переработкой, категоризацией и вербальным отражением синкретизма языка и культуры. Это позволяет говорить о вербальном отражении этнокультурного кода в коннотации, ассоциатах, символике, коррелирующих в сознании носителей языка с теми или иными объектами.

Как справедливо отмечает Н.Ф. Алефиренко, язык и культура выступают в качестве взаимопредполагающих сущностей, где язык являет собой основной инструмент познания культуры, выступая в качестве вербального коррелята национальной культуры, а культура, обретая в языке семиотическое воплощение, оживает в нем и динамично функционирует [1].

Идентичного мнения придерживаются сторонники лингвокультурологического и антропоцентрического направлений, отмечая, что в лексическом и фразеологическом фонде языка «находят отражение национальный характер, психический склад народа, его история и культура» [8, с. 85], таким образом сам по себе язык несет в себе особенности национальной специфики носителей языка [2, с. 416].

С.Г. Тер-Минасова связывает вербализацию народной мудрости и опыта непосредственно с существованием фразеологизмов как аккумуляторов национальной культуры и мировоззрения этноса [6, с. 80]. Однако, как показывают многочисленные исследования в области фразеологического фонда нации, определение фразеологизма не может быть однозначным, что позволяет не разграничивать устойчивые выражения различного уровня сращенности и представлять объект исследования как целый довольно массивный по объему пласт культурно-исторического фонда языка. Это обстоятельство также дает возможность развития перспективных корпусных сопоставительных исследований на материале нескольких дистантных языков. Для таких исследований требуется грамотный выбор критериев, на основании которых возможен компаративный анализ.

В предпринимаемом нами исследовании в качестве основного принимается определение фразеологических единиц, предложенное Н.М. Шанским, который полагает, что фразеология ассоциирована со всеми устойчивыми выражениями и включает в качестве основного объекта исследования крылатые выражения, пословицы, поговорки и проч. Нам близка точка зрения лингвиста о том, фразеологизм представляет собой воспроизводимую в готовом виде языковую единицу, включающую два и более ударных компонента словного характера, фиксированную по семантике, композиции и структурной организации [8, с. 156].

Таким образом, принимая в качестве основного рабочего определения ФЕ формулировку, предложенную Н.М. Шанским, мы, опираясь на мнения авторитетных фразеологов, определяем устойчивые словосочетания как единицы, отвечающие следующим критериям:

- критерию расчлененности, который определяет способность конституентов ФЕ функционировать самостоятельно;
- критерию количественности, который определяет ФЕ как комбинацию из двух и более ударных слов;
- критерию композиционной идентичности, определяющий структурное сходство любого фразеологизма и словосочетания;
- критерию идиоматичности как показатель семантического единства компонентов, предопределяющего возникновение нового значения, нерелевантного для каждого из элементов в отдельности;
- критерию устойчивости, который определяет некоторую долю инвариативности композиционного плана;
- критерию воспроизводимости в готовом виде, который определяет ФЕ в качестве готовых для употребления в речи элементов;
- критерию коммуникативной направленности, определяющему прагматический потенциал ФЕ;
- критерию номинативности, определяющему способность фразеологизма с учетом семантической спаянности его конституентов выступать в качестве номинанта объекта, явления, процесса и называть предмет или явление, давать им характеристики;
- критерию экспрессивности как способности фразеологизма передавать дополнительные оценочные смыслы.

Таким образом, в качестве фразеологических единиц в настоящем исследовании выступают единицы вторичной номинации в комплексе составных элементов, особенно если речь идет об устойчивых выражениях, не допускающих трансформации качествен-

ного и/или количественного состава. Такие устойчивые словосочетания высокой степени сращенности выполняют номинативно-характеризующую функцию, в синтаксическом аспекте выступают как единое целое, переосмыслены, а для актуализации такого значения требуют коллокации лексем определенных тематических групп. При этом важным и интересным обстоятельством употребления фразеологизмов является их некоторая прецедентность, что предполагает отсутствие необходимости объяснения контекста при употреблении, его внедрения ФЕ в коммуникативную ситуацию без ущерба для восприятия транслируемого значения. Здесь также необходимо отметить, что большинство фразеологизмов известны носителям языка. В случае их незнания, коммуникант, как правило, требует уточнения или разъяснения семантики такого словосочетания, то есть запрашивает контекст, из которого ясно, что это особая единица, а не сочетание слов, и который дает возможность ее правильно интерпретировать. При этом не теряются не только денотативное содержание, но и коннотативные свойства ФЕ – экспрессивность, стилистическая и эмоциональная окраска. Таким образом, важной характеристикой фразеологизмов является их взаимосвязь и обусловленность культурной традицией и историей народа-создателя.

Учет представленных критериев является обязательным для настоящего исследования, которое ставит своей целью многогранное параллельное исследование групп фразеологизмов английского, китайского, русского, укаринского языков.

Итак, представленные критерии являются общими для всех исследуемых нами фразеологических единиц независимо от степени сращенности и языковой группы. Само по себе рабочее определение термина “фразеологизм” или “фразеологическая единица” в сочетании с указанными критериями позволяет накопить обширный пласт эмпирического материала в любом языке мира. Однако эта задача в настоящей лингвистической разработке является исключительно первостепенной. Более того, получаемый посредством сплошной выборки поток фактических данных слишком обширен для их обработки даже в одном отдельно взятом языке, не говоря уже о сопоставительных исследованиях. Последние требуют особой, детальной проработки дополнительных критериев для последующей типологии и поиска точек соприкосновения.

Представляется, что поиск таких оснований для мультиязыкового компаративного анализа возможен с учетом данных лингвокультурологии, лингвоаксиологии, когнитивного направления и принципа антропоцентризма. Учитывая тот факт, что перспективное корпусное исследование нацелено на обработку языкового материала сразу четырех языков, опишем общие параментры организации и тэгирования лингвистической информации, которые впоследствии и перспективе разработки будут детализироваться согласно языковой группе.

Итак, полученные при помощи сплошной выборки из аутентичных истчников фактических данных фразеологические единицы составляют довольно внушительный по тематической дифференциации, структурной организации, компонентному составу языковой пласт, крайне неудобный для непосредственного лингвистического анализа. Такой эмпирический массив целесообразно делить по принципу основного компонента, являющегося структурным элементом такого языкового единства. Подобная тематическая ранжировка по критерию “тематическая соотнесенность фразообразующего элемента” имеет под собой антропоцентрические и когнитивные основания, подтверждающие факт словесного выражения метафоры и

символизма, организованного именно в человеческом сознании благодаря когнитивным механизмам восприятия и отражения мира.

Предварительно представив группы фразеологизмов по тематической соотнесенности фразообразующих элементов, следует произвести анализ лексикографического толкования каждой из единиц при учете существования последнего. Для этой работы следует опираться преимущественно на толковые и фразеологические словари для выявления данных о мотивированных и немотивированных номинаций. В случае с немотивированными номинациями целесообрано принимать в расчет этимологические данные и предысторию вопроса. На этом же этапе, если позволяют лексикографические сведения, следует уточнить коннотацию (или положительное/отрицательное базовое оттеночное значение фразеологизма). Это значение определяется с учетом ценностной шкалы лингвокульутры, которая предопределяет ценностные ориентиры и оценку того или иного явления, описанию которого способствует тот или иной фразеологизм. В таком случае на первый план выходят лингвокультурные и лингвоаксиологические принципы, которые позволяют обозначить положительную или отрицательную базовую полярность фразеологической единицы в ее исходном оригинальном значении.

Для составления последующего конкорданса в перспективной корпусной разработке для фразеологической единицы осуществляется подбор контекстов, которые влияют на узус фразеологизма, в том числе меняют коннотацию последних. Таким образом выявляются оценочные параметры фразеологизмов на контекстуальном уровне. И, наконец, указанный количественный параметр конкорданса каждой ФЕ позволит просмотреть динамику употреблений и предоставить компьютерный учет частотности фразеологизмов.

Таким образом, алгоритм работы с мультиязыковым фактическим материалом ведется по следующему принципу согласно языковой группе: ранжирование согласно тематической принадлежности, лексикографический, контекстуальный и концептуальный анализ семантики каждой ФЕ. Результаты такой лингвистической процедуры помещаются в таблицы соответствующего вида. Впоследствии данные таблиц ложатся в основу баз данных по каждой языковой группе. Учитывая то обстоятельство, что в процесс работы в качестве библиографической базы включены лексикографические источники, каждая таблица снабжена списком источников используемой литературы. При организации корпуса это позволит поисковому движку выдавать сведения о цитируемых источниках.

Отметим, что формат настоящей публикации не позволяет полноценно описать работу с каждой фразеологической единицей в отдельности, поскольку указанная процедура является весьма трудоемким и объемным процессом. Поэтому видится целесообразным проиллюстрировать работу с фактическим материалом на нескольких примерах фактического материала и лапидарно осветить результаты работ.

В качестве иллюстративного материала выберем фразеологические единицы с соматическим компонентом. Итак, например фразеологизм *from head to toe*, отобранные нами в качестве составляющей исследовательского корпуса, имеет следующие значения в разных толковых словарях:

Macmillan Dictionary: used for emphasizing that you mean all of someone's body: They were covered in mud from head to toe [10];

Oxford Dictionary: all over one's body: I was shaking from head to toe (Oxford, 2017);

Cambridge Dictionary: completely covering your body: The dog was covered in mud from head to toe [10];

Longman Dictionary: if a person is dressed or covered in something from top to toe, they are completely dressed or covered in it: They were covered in mud from top to toe [10].

Если проанализировать словарные дефиниции, возможно определить, что рассматриваемая фразеологическая единица имеет мотивированную номинацию, то есть ее общее значение вытекает из значения одного из ее элементов. В данном случае знаменательных фразообразующих элементов два, более того, они оба передают прямое значение, которое в совокупности при условии составления фразеологической единицы приобретают вторичный смысл. Также рассмотрение словарных дефиниций показывает способность элемента *head* и элемента *toe* иметь субституты и выступать во фразеологических единицах в вариантах: *from head to foot, from top to toe.* Однако они являются абсолютными синонимами и это никоим образом не влияет на их коллокацию.

Анализ частотности фразеологической единицы, связанный с рекуррентностью этой единицы в современной устной речи, показывает, что относительно других фразеологических единиц, имеющих более выраженое метафорическое значение, эта единица достаточна частотна. Думается, что простота ее восприятия за счет актуальной мотивированности значения как раз обусловливает данное обстоятельство.

Анализ функционального значения говорит в пользу прецедентности единицы, то есть способности без каких-либо других языковых средств полноценно передавать смысл.

Например, название салона красоты в предложении: *From Head To Toe is a spa studio that provides customized services for women and men using natural and organic products (http://fromheadtotoela.com/about/)* позволяет передавать положительную коннотацию и посредством контекста передавать значение завершенности и полноты образа. Это значение отлично от словарных данных в примерах, где «с ног до головы», как правило, ассоциировано с отрицательным модусом.

С опорой на выявленное в результате контекстуального анализа функциональное значение и опыт изучения лексикографических толкований, а также принимая во внимание совокупное экстралингвистическое знание, переходим к иллюстрации ключевых фрагментов анализа в таблицы для последующей организации ее в базы данных.

Проиллюстрируем полученные данные, оформленные для иллюстративности в виде таблицы.

Таблица

Результат лингвистического анализа фразеологизмов английского языка с соматическим компонентом. Английский язык

Table

The result of the linguistic analysis of English phraseological units with a somatic component. The English Language

Фразеологическая единица	Результат лексикографического анализа	Результат контекстуального анализа
from head/top to toe/foot	положительная коннотация - отрицательная коннотация - мотивированность значения +	положительная коннотация + отрицательная коннотация + мотивированность значения +

Итак, на основании вышеизложенного, в результате контекстуального, лексикографического анализа становится очевидным тот факт, что фразеологизм соответствует определенным параметрам, которые позволяет ему отличаться от других фразеологических единиц. Такие параметры, способствующие уточнению исследовательского корпуса, будут актуальны для всех рассматриваемых групп языков, поскольку составляют принципиальную основу последующего компаративного анализа.

На основе полученных данных, как было указано выше, будет организована база данных, которая представляет собой структурированный исследовательский корпус фразеологизмов английского языка, накопленный при помощи сплошной выборки из соответствующих аутентичных источников фактического материала, на основании способности таких словосочетаний отвечать перечисленным критериям. В ней также содержатся сведения о верификации отобранных единиц на предмет соответствия объекту исследования посредством лексикографического, контекстуального анализа каждой фразеологической единицы.

Приведем приблизительное описание перспективной базы данных, которая станет одним из этапов формирования мультиязыкового фразеологического корпуса. Итак, остановимся на описание основных сущностей и их атрибутов базы данных

«БИБЛИОГРАФИЯ» – сущность, идентифицирующая источники, из которых производилась выборка лексем.

Код_Библ – код источника, Целый, первичный ключ.

Авторы – ФИО авторов источника, Текстовый (255), не обязательный.

Название – название литературного источника, Текстовый (255), обязательный.

Тип – тип литературного источника, Текстовый(255), обязательный

Доп_Свед – поле, содержащее дополнительные сведения о переводчиках, редакторах и издании, Текст (255), не обязательный.

Город – название города издания источника, Текст (100), не обязательный.

Издательство – название издательства источника, Текст (100), не обязательный.

Год – год издания источника, Целый, не обязательный.

Стр – количество страниц в источнике, Целый, не обязательный.

URL – гиперссылка на источник с указанием режима доступа, Текстовый (255), не обязательный;

Тип_Библ – вид источника, Целый, внешний ключ.

«ТИПЫ_БИБЛ» – сущность, идентифицирующая виды источников для выборки.

Код_Типа – код вида истопника, Целый, первичный ключ.

Название – название вида источника, Текстовый (100), обязательный.

«АНГЛИЙСКИЕ_ФЕ» - сущность, идентифицирующая фразеологические единицы английского языка.

Код_ФЕ – код фразеологической единицы, Целый, первичный ключ.

ФЕ – фразеологическая единица, Текстовый (255), обязательный.

«АНГЛИЙСКИЕ_ЛЕК_А» – сущность, идентифицирующая результаты лексикографического анализа фразеологической единицы английского языка.

Код_ЛА – код результата лексикографического анализа, Целый, первичный ключ.

Результат – содержание результата анализа, Текстовый (255), обязательный.

Код_ФЕ – код фразеологической единицы, к которой принадлежит результат анализа, Целый, внешний ключ.

Код_Библ – код источника, из которого извлечен результат анализа, Целый, внешний ключ.

«АНГЛИЙСКИЕ_КОНТ_А» – сущность, идентифицирующая результаты

контекстуального анализа фразеологической единицы английского языка.

Код_КА – код результата контекстуального анализа, Целый, первичный ключ.

Результат – содержание результата анализа, Текстовый (255), обязательный.

Код_ФЕ – код фразеологической единицы, к которой принадлежит результат анализа, Целый, внешний ключ.

Код_Библ - код источника, из которого извлечен результат анализа, Целый, внешний ключ.

Мотивированное значение – флаг, определяющий задействует ли данная фразеологическая мотивированное значение, Логический, обязательный.

Немотивированное значение – флаг, определяющий задействует ли данная фразеологическая единица немотивированное значение, Логический, обязательный.

Положительная коннотация – флаг, определяющий задействует ли данная фразеологическая единица положительную коннотацию, Логический, обязательный.

Отрицательная коннотация – флаг, определяющий задействует ли данная фразеологическая единица отрицательную коннотацию, Логический, обязательный.

Заключение:

Как видно из описания параметров базы данных и ее контента, для создания мультиязыкового параллельного корпуса фразеологизмов требуется оптимальная организация результатов анализа эмпирического материала и четкого соответствия критериям. В противном случае при несоответствии критериям фразеологизмов разных языковых групп в мультиязыковом параллельном корпусе будет наблюдаться диссонанс, что существенно осложнит процедуру компаративного анализа и доставит неудобства в последующей исследовательской работе.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура. – Волгоград: Перемена, 2006. – 227 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Издательство: М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Водяха А.А. Эмотивный потенциал фразеологических единиц // Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии; доклад – Волгоград, перемена, 1996. – С. 30 – 32.
4. Вакуров В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц. На материалах советского фельетона / В. Н. Вакуров. – М. : Изд-во МГУ, 1983. – 175 с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация ... / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000 — 624 с.
7. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. Учебное пособие. 2-е издание, дополненное и исправленное. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2007. – 819 с.
8. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка [Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов] / Н.М. Шанский. – Москва Высш. школа, 1963. – 156 с.
9. Cambridge Dictionary / Cambridge University Press. – Cambridge, 2017. – URL: http://dictionary.cambridge.org/ru/ (дата обращения 15 апреля 2018).
10.The Longman Dictionary of Contemporary English / Pearson Education Limited. – Edinburgh, 2016. – URL: http://www.ldoceonline.com/ (дата обращения 15 апреля 2018).
11.Macmillan Dictionary / Macmillan Publishers Limited. – London, 2009- 2017. – URL: http://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения 15 апреля 2018).
12.Oxford Dictionaries: Language matters / Oxford University Press. – Ashburn (Virginia), 2017. – URL: http://www.oxforddictionaries.com/. (дата обращения 15 апреля 2018).

References

1. Alefirenko, N. F. (2006), *Jazyk, poznanie i kultura* [Language, Knowledge and Culture], Peremena, Volgograd, Russia. [in Russian].

2. Vezhbitskaya, A. (1996), *Jazyk. Kultura. Poznanie* [Language, Culture, Knowledge], Russkie slovari, Moscow, Russia. [in Russian].

3. Vodyah, A. A. (1996), "The Emotional Potential of Phraseological Units", *Vzaimodeistvie jazykovyh urovneii v sfere frazeologii*, Peremena, Volgograd, Russia, P. 30 – 32. [in Russian].

4. Vakurov, V. N. (1983), *Osnovy stilistiki frazeologicheskih edinits. Na materialah sovetskogo feletona* [Basics of Stylistics of Phraseological Units. On the Materials of the Soviet Feuilleton], MGU, Moscow, Russia. [in Russian].

5. Kunin, A. V. (1986), *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo jazyka* [Course of Phraseology of Modern English], Vysshaja shkola, Moscow, Russia. [in Russian].

6. Ter-Minasova, S. G. (2000), *Jazyk i mezhkulturnaja kommunikatsija* [Language and International Communication], Slovo, Moscow, Russia. [in Russian].

7. Nikitin, M. V. (2007), *Kurs lingvisticheskoi semantiki. Uchebnoe posobie. 2-e izdanie, dopolnennoe i ispravlennoe* [Course of Linguistic Semantics. Tutorial. 2nd edition, supplemented and amended], RGPU im. A. I. Gercena, Saint Petersburg, Russia. [in Russian].

8. Shansky, N. M. (1963), *Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka* [Phraseology of Modern Russian], Vysshaya shkola, Moscow, Russia. [in Russian].

9. Cambridge Dictionary, Cambridge University Press (2017), [Online], available at: http://dictionary.cambridge.org/ru/ (Accessed April 15, 2018).

10.The Longman Dictionary of Contemporary English (2016), Pearson Education Limited, Edinburgh [Online], available at: http://www.ldoceonline.com/ (Accessed April 15, 2018).

11.Macmillan Dictionary, Macmillan Publishers Limited (2017), London, [Online], available at: http://www.macmillandictionary.com/ (Accessed April 15, 2018).

12.Oxford Dictionaries: Language matters (2017), Oxford University Press, Ashburn (Virginia) [Online], available at: http://www.oxforddictionaries.com/ (Accessed April 15, 2018).

Гэ Цзиншэнь, старший преподователь, кандидат филологических наук, Китайский Океанский Университет.

Ge Jingshen, Assistant Professor, PhD in Philology, Ocean University of China (OUC).

Куприева Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Irina A. Kuprieva, Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University.

УДК 81-22 **DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-2**

Кураш С.Б.[1]
Аматов А.М.[2]
Свищёв Г.В.[3]

ВОЕННАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ

[1)] Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина
ул. Студенческая, 28, г. Мозырь, 247760
Беларусь
E-mail: text2005@mail.ru

[2)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015
Россия
E-mail: amatov@bsu.edu.ru

[3)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015
Россия
E-mail: *svishchev@bsu.edu.ru*

Аннотация. В современной политической коммуникации одной из главных задач выступает формировании образа определённого политика, направленного на создание определенного имиджа. Этот имидж может быть как положительным, привлекательным для общества, что является ключевым средством воздействия на массовое сознание и способствует продвижению своих целей, так и отрицательного, что нередко используется политическим деятелем с целью дискредитации оппонента в условиях жёсткой конкуренции и политической борьбы. Основная, информативная функция средств массовой коммуникации в современном информационном обществе меняет характер своего воздействия, трансформируясь в функцию манипулятивную. В качестве одногоиз инструментов манипулятивного воздействия на аудиторию выступает метафора. Активное употребление метафор в политическом дискурсе обусловлено их способностью влиять практически на каждый из этапов решения проблем в политической сфере: осмысление проблемной ситуации, поиск вариантов её разрешения, оценка альтернатив, выбор варианта. Теоретическое изучение и последовательное описание политических метафор представляется одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся течений в современной лингвистике, в частности – в области дискурс-анализа. Метафорическая картина мира отражает специфику национального сознания и способов мышления, свойственных тому или иному периоду политической жизни государства. Одним из видов политической метафоры, занимающих центральное место в политическом дискурсе любого государства, является военная (милитарная) метафора. В статье рассматриваются особенности функционирования военных метафор в современном политическом дискурсе, раскрывается их роль в реализации глобальной коммуникативной стратегии «Мы и Они» и вытекающие из неё тактические ходы.

Ключевые слова: политический дискурс, военная метафора, поляризация, коммуникативная стратегия.

Sergey B. Kurash[1]
Alexander M. Amatov[2]
Gennady V. Svishchov[3]

MILITARY METAPHOR IN POLITICAL DISCOURSE: TACTICS AND STRATEGY

[1)] Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakina
28, Studencheskaya St., Mozyr, 247760
Belarus
E-mail: text2005@mail.ru

[2)] Belgorod State National Research University
14 Studencheskaya St., Belgorod, 308007
Russia
E-mail: amatov@bsu.edu.ru

[3)] Belgorod State National Research University
14 Studencheskaya St., Belgorod, 308007
Russia
E-mail: *svishchev@bsu.edu.ru*

Abstract. One of the main tasks of political communication is to create and promote the image of a politician. The process is aimed at creating both a positive image that is attractive to society, which is a key factor of influencing mass consciousness and pursuing their goals, as well as the negative one used by a politician to discredit their opponents in a tough competition of modern policies. In the modern information society, the main function of the mass media – Informative – changes its nature and is transformed into a manipulative function. One of the tools of manipulating the audience is a metaphor. The active use of metaphors in political discourse is due to its ability to influence each of the stages of solving problems in the political sphere: understanding the problem situation, finding options for solving it, evaluating alternatives, and choosing options. The theoretical study and consistent description of political metaphors seem to be one of the most promising and dynamically developing trends in modern linguistics, particularly in the field of discourse analysis. The metaphorical picture of the world reflects the specifics of the national consciousness and ways of thinking that are characteristic of this or that period of political life of the state. One of the types of political metaphor that occupies a central place in the political discourse of any state is a military metaphor. The paper deals with military metaphors functioning in political discourse. Their role in the global communicative strategy, "Them and Us" is revealed, along with the ensuing tactics.
Key words: political discourse, military metaphor, polarization, communicative strategy.

Введение

По выражению известного немецкого военного теоретика Карла фон Клаузевица, война есть продолжение политики другими средствами. Не берясь оценивать правильность данного высказывания с военной и политической точек зрения, мы вынуждены отметить, что с точки зрения лингвистической утверждение немецкого генерала XIX века исключительно корректно.

Сразу следует подчеркнуть, что в

данной работе мы рассматриваем военные метафоры и только метафоры – случаи прямой номинации боевых действий, вооружений и т.д. нами из рассмотрения исключены. А в своих метафорах политики – сами либо со слов других политиков и журналистов, пишущих на политические темы – делают выпады и парируют, наступают и отступают, атакуют и обороняются, окапываются и идут на штурм, перегруппируют силы и ведут артиллерийские подготовки. Арсенал метафорических вооружений также впечатляет – от покрытых почтенной ржавчиной мечей, топоров и кинжалов до артиллерии, авиации и военно-морского флота. В.И. Ленин, по словам действующего президента России, даже умудрился применить ядерное оружие задолго до того, как о нём стало известно военным. В ходе проходившей недавно президентской гонки в США кандидат от Республиканской партии (ныне президент) Дональд Трамп называл себя «верным рыцарем Америки» и клялся бороться за её интересы, не щадя живота своего. В ответ кандидат от Демократической партии Хилари Клинтон просила бога уберечь Америку от таких «верных рыцарей» и сравнила Трампа с «пушкой, которую сорвало с лафета». Одним словом, политики на словах ведут себя именно так, как действуют военные в боевой обстановке: воюют, но только другими средствами – языковыми.

Примечательно, что при таком разнообразии средств убийства и разрушения, а также способов их применения, политический дискурс довольно скуп на метафоры с обратным значением – созидания. Из более 500 случаев метафорического слово- и фразоупотребления, рассмотренных нами в связи с данной темой в русскоязычном, англоязычном и франкоязычном политическом дискурсе, буквально единицы связаны со строительством. Причём если политики что-то метафорически строят, то это, как правило, отношения – те самые, которые они перед этим разрушили самым брутальным способом. То есть не только само количество, но и набор метафор созидательного значения в политических текстах на трёх языках, обращённых к многомиллионным (если не миллиардным) аудиториям, крайне скуден.

Эти и некоторые другие обстоятельства побудили нас к рассмотрению тактик употребления военной метафоры в политическом дискурсе, а также той глобальной стратегии, которой эти тактики подчинены.

Теоретический обзор

Последние десятилетия характеризуются повышенным вниманием современного языкознания, развивающего и дополняющего теорию метафорического моделирования, к исследованию различных аспектов политической коммуникации, определению ее языковой и дискурсивной организации, установлению вербальных инструментов управления общественным мнением со стороны институтов власти. Среди таких инструментов концептуальная метафора, применяемая политической элитой разных стран в манипулятивных целях, оказывается одним из главных и лингвокультурно значимых феноменов политического дискурса.

Роль метафоры в политическом выступлении отмечалась ещё в рамках традиционного, риторического направления. Так, анализируя выступления политиков перед избирателями, М. Осборн пришёл к заключению, что в политической речи вне зависимости от времени, культуры и географического расположения коммуникантов непременно имеют место архетипичные метафоры (archetypal metaphors). Политики, имеющие целью внушить какую-либо точку зрения адресату, прибегают к образам природы, света и тьмы, мира и войны, болезни и здоровья, мореплавания и навигации (Osborn 1967).

Взгляд на метафору лишь как на один из тропов, образных риторических средств, претерпел существенные изменения с выходом фундаментальной работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Авторы считают, что метафора проникает во все сферы нашей обыденной жизни и находит проявление не только в языке, но и в мышлении и действии (Lakoff, Johnson, 1980).

Согласно когнитивной методологии, реакция человека проявляется скорее не на действительность как таковую, а на его когнитивное представление о действительности. Следовательно, поведение человека детерминировано не столько объективной реальностью, сколько комплексом её ментальных проекций, и «заключения, к которым мы приходим посредством метафорического мышления, могут создавать мотивацию для действия» (Chilton, Lakoff, 1995).

Многие научные изыскания в сфере политической метафоры проводятся в русле классического варианта теории концептуальной метафоры, но ученые совершенствуют и дополняют некоторые аспекты данной теории. В частности, А. Мусолфф в ряде исследований (Musolff 2000, 2004) высказывает мнение, что требуется переосмыслить тот подход к анализу концептуальной метафоры, при котором понимание сущностей сферы-мишени жестко детерминировано структурой сферы-источника и предлагает ввести в теорию концептуальной метафоры новый термин «концептуальная эволюция» (conceptual evolution) метафор. В политической коммуникации воплощаются разные, зачастую абсолютно противоположные по оценочному потенциалу сценарии одной и той же метафорической модели, что говорит о необходимости принимать во внимание два взаимосвязанных фактора: экспериенциальную основу (традицию) и «концептуальную гибкость», согласно которой функционирование метафоры в политической речи можно уподобить тому, как живой организм, наделенный способностью к наследственности и изменчивости, в процессе взаимодействия с окружающей средой «эволюционирует» и «выживает» подобно прочим метафорам. Фактически, отмечается необходимость принятия во внимание дискурсивных факторов, которые в значительной степени сказываются на функционировании концептуальной политической метафоры.

Переработанный вариант теории концептуальной метафоры был представлен Д. Ричи в коннективной теории метафорической интерпретации (Ritchie 2003, 2004). Исходя из постулата о базовом ограничении мышления эмпирическим восприятием, ученый подчеркивает, что изучение метафоры должно производиться в когнитивном и коммуникативном контексте, который включает подробную репрезентацию вербальной коммуникации и предшествующий опыт ее участников (Ritchie 2003). Каждая метафора рассматривается в особом коммуникативном контексте, и индивидуальное прочтение может существенно различаться (Ritchie 2004). Более глубокими, согласно Ричи, являются взаимосвязи между концептуальными доменами. К примеру, «война» – это не обязательно доминирующий концепт для выражения спора. При анализе таких метафор как “defend”, “position”, “maneuver” или “strategy”, нельзя сразу же утверждать, имеют ли они отношение к войне, соревнованию спортсменов или игре в шахматы. Такие метафоры отражают когнитивные ответы на прототипические ситуации, а не наложение одного концепта на другой (Ritchie 2003).

В языкознании укоренились две ключевых тенденции анализа политического дискурса: дескриптивная и критическая (Fairclough 1985). Критическое направление, являющееся основным в нашем исследовании, имеет целью изучение социального неравенства, находящего отражение в дискурсе, а ученый открыто высказывается в защиту

бесправных и угнетенных. Как отмечает Т. ван Дейк, среди сторонников этого подхода «не может быть исследователей, имеющих отстраненное или равнодушное отношение к изучаемому вопросу» (van Dijk 1993: 253).

Именно в рамках последнего подхода и с использованием его методов и приёмов было проведено наше исследование.

Научные результаты и дискуссия

Процесс «милитаризации» политического дискурса отмечен не только нами. В частности, по мнению В.З. Демьянкова, «политический дискурс, чтобы быть эффективным, должен строиться в соответствии с определёнными требованиями военных действий» (Демьянков 2002: 42). В чём причина такой «метафорической воинственности» политиков из разных стран, принадлежащих к совершенно разным партиям и движениям? На наш взгляд, дело здесь в одной из глобальных коммуникативных стратегий, лежащих в основе всякого политического дискурса: бинарной поляризации «Мы и Они». В рамках данной стратегии отчётливо просматриваются две основные составные части: положительная самопрезентация (представление себя, своей политической партии, государства и т.д. в лучшем свете) и отрицательная презентация оппонента (другого политика, партии, государства и т.д.).

Война как крайняя форма противостояния не могла не породить большого количества метафор, которые в данную стратегию поляризации вписываются как нельзя лучше – в отличие от того же «строительства», например. Так, обвинение в агрессивных действиях или планах могут стать (и очень часто являются) удачным тактическим ходом в рамках отрицательной презентации оппонента. Применяя этот прием, политик (впрочем, не только политик), не меняя основного содержания высказывания (его денотата), при помощи метафоры может включать у аудитории целый «букет» самых различных ассоциаций, импликаций или импликатур (в зависимости от степени вовлеченности аудитории в коммуникативную ситуацию) с целью манипуляции мнениями. Согласимся: одно дело – сказать, к примеру, что «меня критикуют», и совсем другое дело – сказать, что «на меня нападают» или, еще лучше, «меня избрали целью для атаки». Рассмотрим в это связи один небольшой пример из интервью с Дженнифер Псаки, на тот момент – официального представителя Государственного департамента США:

*I am just one of many American officials – especially women, I will say – **targeted** by the Russian propaganda machine*. (*Я* всего лишь одна из американских официальных лиц – особенно женщин, я бы сказала – которых российская пропагандистская машина выбрала в качестве мишени).

Обычно цель подобных метафорических переносов – представление своих оппонентов агрессорами, а себя, соответственно, жертвой агрессии. Подобная поляризация, естественно, направлена на то, чтобы вызвать у аудитории сочувствие к себе (и своей политике) и осуждение оппонентов. Глагол *to target* (нацеливаться, избирать целью) подразумевает обдуманность и целенаправленность действия, что еще сильнее отягчает вину нападающих. Употребление другой милитарной метафоры в том же контексте, например, *'I am attacked'* (меня атакуют, на меня нападают) дало бы меньший эффект – нападение может быть спонтанным, незапланированным или даже спровоцированным.

Немаловажно и то обстоятельство, что в том же самом предложении Дж. Псаки подчеркивает, что она женщина: нападение, спланированное и хладнокровно обдуманное, да еще и на женщину, почти неизбежно вызывает у аудитории резко негативное отношение к нападающему и сочувственное – к жертве. Наконец, в этом же высказывании Дж. Псаки демонстрирует и вторую часть

глобальной стратегии «Мы и Они», а именно – прочно увязывает себя с другими американскими политиками, прежде всего женщинами, утверждая (надо сказать, без каких-либо оснований) что она – всего лишь одна из множества подобного рода жертв. Правда, здесь она уже обходится без милитарных метафор. То есть «российская пропагандистская машина» целенаправленно и систематически обижает не только ее одну, но и многих других американских политиков, причем женщин – в особенности.

Второй причиной преобладания военных метафор над «мирными», на наш взгляд, является сам характер войны, её динамизм и напряжённость. Милитарные метафоры, являясь конфликтными, отражают характерные черты политики как вида общественной практики, а в моменты кризиса помогают создать образ внешнего врага и консолидировать население для борьбы с ним. Выступающие обычно предполагают, что адресат знает, к какому лагерю относится, какую роль играет и в чем эта роль состоит. Как и действия на поле боя, политический дискурс нацелен на уничтожение «боевой мощи» противника – вооружения (т.е. мнений и аргументов) и личного состава (дискредитация личности оппонента). Поэтому присутствие данной метафорической модели в политическом дискурсе не является чем-то необычным. Доминирование данной модели подтверждает мнение А.Н. Баранова о наличии в дискурсе конфликтных метафор как особенности кризисного мышления (Баранов, 2004).

Приведём ещё один пример метафорической войны на американском политическом фронте – на этот раз из предвыборного выступления тогда ещё кандидата в президенты США Барака Обамы в феврале 2007 года в Спрингфилде, штат Иллинойс:

I was proud to help ***lead the fight*** *in Congress that led to the most sweeping ethics reform since Watergate*. (Я был горд тем, что внес свой вклад в борьбу в Конгрессе, которая привела к самой широкой этической реформе со времен Уотергейта)

О какой «войне» с гордостью говорит здесь кандидат в президенты Барак Обама, утверждая, что он принял в ней деятельное участие в Конгрессе за несколько лет до выдвижения своей кандидатуры на пост президента? Очевидно, что данная «война» была на тот момент актуальна – во всяком случае, для Обамы – коль скоро он счел нужным заострить на ней внимание в своем предвыборном выступлении.

Речь здесь идет о лоббировании интересов тех или иных групп в правительстве, которое Обама называет «циничным» и с которым он боролся в Конгрессе, будучи сенатором от штата Иллинойс. Каков смысл милитарной метафоры в данном случае?

Дело в том, что война в принципе большинством людей воспринимается как дело серьезное, жестокое и чрезвычайно опасное. Поэтому политик, называя «войной» какое-либо противостояние, автоматически усиливает его серьезность и значимость в глазах аудитории. Далее: война требует быстрых и решительных действий. Поэтому, когда Обама говорит о том, что ведет «войну в Конгрессе», он тем самым позиционирует себя как ответственного и серьезного политика, способного предпринимать смелые действия в критической ситуации. Это уже является частью тактики положительной самопрезентации, которую обобщенно можно назвать «я ответственный политик». Одновременно с этим подспудно аудитории внушается мысль о том, что если другие политики не «ведут войну», которую ведет Обама, то они недооценивают степень угрозы и вообще являются политиками безответственными. Ну или, по крайней мере, не такими ответственными, как Обама. То есть здесь имплицитно включается и вторая часть глобальной стратегии «Мы и Они» – негативная презентация оппонентов. Имплицитно – поскольку имен Обама не

называет. Однако для людей посвящённых здесь есть импликатура, а именно – совершенно прозрачный намёк на главного конкурента Обамы на тех президентских выборах, сенатора от штата Аризона Джона Маккейна, голосовавшего против антилоббистского акта 2007 года.

Судя по тому, что это единственное место в выступлении, где Обама употребил слово «война» в метафорическом смысле (в других случаях он употребляет существительное war в прямой номинации, говоря о войне в Ираке, а слово fight не употребляет вообще), можно сделать вывод о том, какое большое значение в своей предвыборной кампании Обама придавал этим своим парламентским инициативам. А исходя из того, что именно в этой части выступления кандидат в президенты сорвал самые бурные аплодисменты аудитории (которая начала скандировать его фамилию), можно сделать вывод, что коммуникативная стратегия в целом (и умело применённая военная метафора как один из её ходов) Бараку Обаме удалась в полной мере.

Нередко милитарная метафора отсылает аудиторию к какому-то значимому для неё событию. Такое её употребление смыкается с такими коммуникативными тактиками, как «свой парень» и «защитник традиционных ценностей». Например, Франсуа Фийон, кандидат в президенты Франции на прошедших выборах, в ходе предвыборных выступлений счёл нужным прибегнуть к такому ходу:

Il y a des ***bastilles à faire tomber...*** (Есть ещё бастилии, которые необходимо разрушить).

Апеллируя к значимому для французов событию – взятию парижской крепости-тюрьмы Бастилии, положившему начало Великой французской революции, Фийон демонстрирует тем самым единство с нацией и готовность возглавить её для новых свершений. Таким образом реализуется первая часть глобальной стратегии «Мы и Они» – положительная самопрезентация. Примечательно, что говоря о «бастилиях», кандидат в президенты имеет в виду, в том числе, увеличение продолжительности рабочей недели, что вступает в противоречие с идеями революции. У рядовых французов, таким образом, есть все основания возразить Фийону: «Не за то наши предки Бастилию штурмовали, чтобы их потомкам рабочий день увеличивали».

Иногда политики и особенно журналисты, увлекаясь милитарной метафорой, явно «хлещут через край», создавая весьма причудливые образы – если, конечно, составить себе труд и представить то, что сказано или написано. Так, крупный французский ежедневник 'Le Parisien', комментируя действия министров Бенуа Амона и Арно Монтебурга, которые способствовали роспуску правительства Мануэля Вальса и затем ускорили его, называют это «выстрелом канонерки по правительственному кораблю» (*tir à la canonnière contre le navire gouvernemental*). В результате этого «выстрела» складывается драматическая ситуация: «а французы в трюме продолжают грести, без курса и капитана» (*A la soute, les Français, eux, continuent de ramer. Sans cap et sans capitaine*). Как мы ни пытались образно представить себе эту картину, так и не смогли понять: почему и, главное, как гребут французы, находясь в трюме обстрелянного канонерской лодкой правительственного корабля. Впрочем, небрежное обращение с метафорами, создающее странные и порой смешные образы – это уже тема отдельного изучения и отдельной статьи.

Заключение

Подводя итог сказанному, мы можем констатировать, что политический дискурс как разновидность институционального дискурса имеет ряд системных признаков, которые в значительной степени определяют его, природу, применяемые в

нём стратегии и тактики, в частности, обусловливая его манипулятивный потенциал. Сам характер борьбы за власть (а именно борьба за власть является одной из ведущих целей политического дискурса) соответственно структурирует политический текст и проявляется через способ общения, избираемый говорящим набор стратегий и тактик. Использование метода критического дискурс-анализа позволяет проследить влияние ментальных установок говорящего на выбор применяемых им в политическом дискурсе языковых средств для достижения вполне определённых коммуникативных целей.

Метафорическая модель «Война» востребована в современном политическом дискурсе и служит для концептуализации действительности. Входящие в её состав ментальные модели актуализируются в различных риторических стратегиях и могут варьироваться под влиянием различных факторов дискурса.

Активное использование милитарной метафоры указывает на наличие жестокой конкуренции не только среди ведущих олитических деятелей, но и в обществе в целом. Политическая система пронизана духом милитаризма и осмысляется терминами войны. И поскольку борьба за власть является основой самого политического дискурса, в нём априорно заложена богатая основа для использования военной метафорики. Однако потенциал рассматриваемой модели к моделированию политической реальности в разной степени применяется в политическом дискурсе в зависимости от сферы метафорической экспансии.

Так, милитарная метафора является доминирующей в семантических оппозициях «Мы – Они», к созданию которой прибегают политики в рамках стратегии нападения и дискредитации оппонента. Важную роль в создании имиджа политического лидера играют так называемые микроволи, с которыми тот или иной политик ассоциируется у аудитории, а концептуальная метафора, в том числе милитарная, является одним из ключевых средств актуализации этих микроролей в рамках доминантной коммуникативной стратегии самопрезентации. Военные метафоры являются ключевыми для экспликации микроролей агрессора, варвара, злодея с одной стороны, а также лидера, защитника и бойца – с другой стороны.

В политической коммуникации такая оппозиция является основой стратегии дискредитации оппонента, а концептуальные метафоры в качестве коммуникативного фильтра «свои – чужие» направлены на достижение следующих целей:

а) разделение сфер интересов;

б) репрезентация «своих» в выгодном свете с целью привлечения сторонников;

в) формирование негативных образов репрезентации «чужих», способствующих отрицательному восприятию их деятельности;

г) воспитание среди населения активных групп сторонников, воспринимающих окружающую действительность в соответствии с предлагаемыми метафорическими моделями.

Моделируя острые политические, социальные, экономические и другого рода проблемы жизни государства и общества в терминах войны, политики так или иначе навязывают современному обществу конфликтный путь их решения.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя: предисловие редактора / А.Н. Баранов // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7-21.

2. Демьянков В.З. Политический дискурс

как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – №3. – С. 32-43.

3. Chilton, P. and Lakoff, G. (1995), "Foreign policy by metaphor", in Ch. Schäffner and
A. Wenden (ed.) *Language and Peace*, Aldershot, Dartmouth, P. 37-59.

4. Dijk, T. A., van (1993), "Principles of Critical Discourse Analysis", *Discourse and Society*, vol. 4, #2, P. 249-283.

5. Fairclough, N. L. (1985), "Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis", *Journal of Pragmatics*, vol. 9, P. 739-763.

6. Lakoff, G. and Johnson, M. (1980), *Metaphors We Live by*, University of Chicago Press, Chicago, IL, USA.

7. Musolff, A. (2004), "Metaphor and conceptual evolution", *Metaphorik.de*, #7, 55-75.

8. Musolff, A. (2000), *Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany*, Iudicium, Munich, Germany.

9. Osborn, M. (1967), "Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family", *Quarterly Journal of Speech*, vol. 53, P. 115-126.

10.Ritchie. D. (2003), "ARGUMENT IS WAR" – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors", *Metaphor and Symbol*, vol. 18, #2, 125-146.

11.Ritchie, D. (2004), "Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation", *Metaphor and Symbol*, vol. 19, #3, 233-244.

References

1. Baranov, A. N. (2004), "Cognitive theory of metaphor almost 20 years later", editorial preface in G. Lakoff and M. Johnson, *Metaphors we live by*, Russian edition, Editorial, Moscow, Russia, P. 7-21. [in Russian].

2. Demiankov, V. Z. (2002), "Political discourse as a subject of political philology", *Political science. Political discourse: History and modern research*, INION RAS, Moscow, Russia, P. 32-43. [in Russian].

3. Chilton, P. and Lakoff, G. (1995), "Foreign policy by metaphor", in Ch. Schäffner and A. Wenden (ed.) *Language and Peace*, Aldershot, Dartmouth, P. 37-59.

4. Dijk, T. A., van (1993), "Principles of Critical Discourse Analysis", *Discourse and Society*, vol. 4, #2, P. 249-283.

5. Fairclough, N. L. (1985), "Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis", *Journal of Pragmatics*, vol. 9, P. 739-763.

6. Lakoff, G. and Johnson, M. (1980), *Metaphors We Live by*, University of Chicago Press, Chicago, IL, USA.

7. Musolff, A. (2004), "Metaphor and conceptual evolution", *Metaphorik.de*, #7, 55-75.

8. Musolff, A. (2000), *Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany*, Iudicium, Munich, Germany.

9. Osborn, M. (1967), "Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family", *Quarterly Journal of Speech*, vol. 53, P. 115-126.

10.Ritchie. D. (2003), "ARGUMENT IS WAR" – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors", *Metaphor and Symbol*, vol. 18, #2, 125-146.

11.Ritchie, D. (2004), "Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation", *Metaphor and Symbol*, vol. 19, #3, 233-244.

Кураш Сергей Борисович, доцент, кандидат филологических наук, доцент.
Sergey B. Kurash, Candidate of Philology, Associate Professor.

Аматов Александр Михайлович, профессор, доктор филологических наук, профессор.
Alexander M. Amatov, Doctor of Philology, Professor.

Свищёв Геннадий Владимирович, доцент, кандидат филологических наук, доцент.
Gennady V. Svishchov, Candidate of Philology, Associate Professor.

УДК 81’42 **DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-3**

Шустова С.В.[1]
Царенко Н.М.[2]

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, д. 15. Пермь, 6149909
Россия
E-mail: lanaschust@mail.ru

АНО ДО «Центр коммуникационных программ»
Ул. Пермская, д. 10. Пермь, 614000
Россия
E-mail: shibalovanata6a@mail.ru

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются вопросы, касающиеся формирования прагмалингвистической компетенции на основе дискурсивных маркеров. Дискурсивные маркеры или дискурсивные слова имеют широкий прагматический потенциал, функционируют в различных дискурсах, представляют важный аспект как в теории коммуникации, лингвистической прагматике, так и в дискурсологии. Дискурсивные маркеры фрагментарно изучались в лингводидактическом аспекте. Современное иноязычное образование предполагает, что язык служит средством общения между людьми. Для того чтобы человек был способен использовать иностранный язык с целью обмена информацией, необходимо создать благоприятные условия для формирования и развития иноязычной коммуникативной компетенции (далее КК). Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения прагматического потенциала дискурсивных маркеров, их типологизация, выявления их прототипических и непрототипических функций, анализа контекстов, в которых функционируют данные языковые единицы. Материалом исследования послужили корпуса. Объектом исследования является потенциал дискурсивных маркеров в прагмалингводидактическом аспекте. Предметом анализа являются функциональные особенности грамматических дискурсивных маркеров английского языка. В результате анализа функционирования дискурсивных маркеров выделены прагматические идиомы (*Could you…?),* модальные глаголы как единицы речевого этикета и как синкретичные дискурсивные маркеры (*Can I open the door?),* инфинитивные конструкции (*to begin with),* наречия степени уверенности (*definitely*), разделительные вопросы (*They're not actually losing much by giving to us, are they?).*

Ключевые слова: дискурсивный маркер, прагмалингвистическая компетенция, английский язык, прагматизация, дискурс, лексический дискурсивный маркер, грамматический дискурсивный маркер, прагматический потенциал.

Svetlana V. Shustova[1]
Natalia M. Tsarenko[2]

DISCURSIVE MARKERS AS A MEANS OF FORMING PRAGMATIC LINGUISTIC COMPETENCE

[1)] Perm State University
15 Bukireva St., Perm, 6149909
Russia
E-mail: lanaschust@mail.ru

[2)] Center for Communication Programs
10 Permskaya St., Perm, 614000
Russia
E-mail: shibalovanata6a@mail.ru

Abstract. The proposed article deals with issues related to the formation of pragmatic linguistic competence based on discursive markers. Discursive markers or discursive words have a wide pragmatic potential, function in various discourses, represent an important aspect both in the theory of communication, linguistic pragmatics, and in discourse studies. Discursive markers were fragmentarily studied in the linguo-didactic aspect. Modern foreign education suggests that language serves as a means of communication between people. For a person to be able to use a foreign language for information exchange, it is necessary to create facilities for the formation and development of a communicative competence in another language. The study is topical due to the need to study the pragmatic potential of discursive markers, their classification, to identify their prototypical and non-prototypical functions, to analyze the contexts in which these linguistic units function. The study was carried out on corpora. The object of research is the potential of discursive markers in the pragmatic linguo-didactic aspect. The subject of analysis includes the functional features of grammatical discursive markers of the English language. The analysis of discursive markers functioning resulted in the identification of pragmatic idioms *(Could you ...?),* modal verbs as units of speech etiquette and as syncretic discursive markers *(Can...open the door?),* infinitive constructions *(to begin with),* adverbs of certainty (definitely), and disjunctive questions *(They're not actually losing much by giving to us , are they?).*
Key words: discursive marker; pragmatic linguistic competence; English language; pragmatization; discourse; lexical discourse marker; grammatical discourse marker; pragmatic potential.

Введение

Автором термина «коммуникативная компетенция» считается D. Hymes, который обосновывает свое утверждение исходя из «языковой компетенции» А.Н. Хомского (1965). КК понимается «как внутреннее знание ситуационной уместности языка» (Hymes, 1972). Сам термин имеет множество трактовок.

Так, например, в документе, определяющем европейское иноязычное образование − «Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment» − КК определяется как «совокупность знаний, навыков и характеристик человека, которые наделяют его способностью оперировать определенными лингвистическими средствами» [CEFR, 2001, p. 9]. Коммуникативная компетенция – выбор и реализация программ речевого поведения в зависимости от способности

человека ориентироваться в обстановке общения и умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у обучающихся до беседы, во время беседы в процессе взаимной адаптации (Вятютнев, 1977: 38).

Основная часть

В фокусе нашего исследования находится понимание иноязычной КК, данным вопросом занимались такие исследователи как Р.П. Мильруд (2003, 2017), L. Bachman (1990), M. Canale, M. Swaine (1980), M.A.K. Halliday (1975), D. Hymes, (1972), S.J. Savignon, (1997) и др. Исходя из анализа определений термина «коммуникативная компетенция», можно заключить, что это – комплекс иноязычных знаний, умений, навыков и способностей, в том числе компенсаторных, формирующийся в процессе обучения иностранному языку и обеспечивающий долговременную готовность к самостоятельной устной и письменной иноязычной коммуникации в различных речевых ситуациях с выбором той или иной стратегии речевого поведения.

КК имеет сложноорганизованную структуру и ее формирование и развитие требуют внимания к каждому компоненту. В структуре КК выделяют лингвистический, социолингвистический и прагматический (прагмалингвистический) компоненты [CEFR, 2001, p. 13]. Так же исследователи выделяют: языковой, речевой, социокультурный, компенсаторный и учебный компоненты коммуникативной компетенции. В состав коммуникативной компетенции часто включают грамматическую, социолингвистическую, дискурсную (дискурсивную) и стратегическую компетенции [Карпова, 2015: 197) или социокультурный, лингвистический, речевой, дискурсивный, стратегический, предметный, и прагматический компоненты (Падей, 2013: 388–390). Необходимо отметить, что лингвистическая / языковая, дискурсивная / прагматическая, социолингвистическая и стратегическая (в состав которой входит компенсаторная) компетенции признаются и выделятся такими авторами как Р.П. Мильруд (2003), L. Bachman (1990), M. Canale (1980), D. Hymes (1972), T.F. McNamara (1996), J.A. Van Ek (1986), H.G. Widdowson (1978) и др.

Прагмалингвистическая компетенция как составляющая коммуникативной в свете современной антропоцентрической научной парадигмы может по праву считаться актуализированной в плане целенаправленного формирования и развития.

Вопрос о социолингвистической компетенции впервые ставится в 1980 г. (Canale, Swain, 1980). Затем G.N. Leech (1983) выдвигает идею о социопрагматической компетенции, то есть о совокупности знаний и способностей понять контекст конкретной языковой ситуации и языковые намерения. Непосредственно о прагмалингвистической компетенции в составе КК стал говорить L. Bachman (1990).

В отечественной лингводидактике прагмалингвистическая компетенция рассматривается в работах Р.П. Мильруда (2003, 2017), И.В. Кожуховой (2015) и др.

Термин трактуется и как «способность говорящего и слушающего адекватно интерпретировать речевые акты с учетом ситуативной отнесенности высказывания, социокультурного контекста, менталитета, возраста, образования и социального статуса говорящих, уместности и целесообразности речевых конвенций» (Кожухова, 2015: 97). Таким образом, прагмалингвистическая компетенция является совокупностью знаний о ресурсах языка и способности их использования в определенном контексте, ситуации общения с учетом иллокуций.

Прагмалингвистическая компетенция обладает определенной структурой. Так, для M. Canale прагмалингвистическая

компетенция состоит из двух элементов: иллокутивной компетенции (знание прагматических конвенций для выполнения приемлемых языковых функций) и социолингвистической (знание социолингвистических конвенций для надлежащего выполнения лингвистических функций в этом контексте) (Canale, 1988: 67–84). Прагмалингвистическая компетенция для L. Bachman, включает в свой состав социолингвистическую и иллокуциональную (иллокутивную) компетенции. Социолингвистическая компетенция − это осознание контекстуально соответствующих лингвистических форм и умение их использовать в определенном контексте, а иллокутивная − знание языковых функций и речевых актов (Bachman, 1990: 420).

Прагмалингвистическая компетенция в учебном процессе часто игнорируется в виду неочевидности. Однако она является связующим звеном знаний о языковых средствах и предписаниях их употребления, объединяет языковую и параязыковую компетенции. В случае несформированности данной компетенции говорящий на ИЯ может не достигнуть коммуникативного результата или же столкнуться с рядом коммуникативных неудач. При межличностном общении коммуниканты руководствуются определенным набором коммуникативных дискурсивных моделей поведения, а с точки зрения когнитивных аспектов коммуникации межкультурное общение – это область потенциально конфликтного социокультурного взаимодействия.

J. Thomas выделяет два вида коммуникативных неудач: лингвопрагматические (иллокуционная сила или степень вежливости, определенного лингвистического материала в родном языке, влияют на восприятие учащихся и отображение формы / функции в ИЯ) и социопрагматические (неверные коммуникативные действия в конкретной ситуации общения) (Thomas, 2013). Основываясь на выше сказанном, следует согласиться с мнением о выделении двух основных направлений развития прагмалингвистической компетенции: развитие восприятия и понимания значения высказываний собеседника в контексте (meaning comprehension) и развитие производства значений в коммуникации (meaning production) (Гребенев, Шаюк, 2017: 80).

Для успешного формирования прагмалингвистической компетенции, необходимо создать определенные условия:

– прагматизация иноязычной коммуникативной деятельности: учет сфер общения, употребление языковых средств новейшего слоя лексического запаса языка и создание коммуникативно-прагматических комплексов упражнений и заданий;

– учет тенденций развития изучаемого языка;

– учет функционально-стилистического регистра речевого общения: аутентичные тексты формального, нейтрального и неформального регистра насыщенные фактами иной современной культуры;

– предельность стилистического снижения речи;

– создание прагмалингвистической среды, то есть создание информационной основы и общего социокультурного фона в аудиторных условиях (Акопянц, 2008: 231-235).

Таким образом, прагмалингвистическая компетенция требует особого внимания в процессе обучения ИЯ и может проявлять себя на всех уровнях организации языка, так как является «связующим звеном» между системой языка и реальной коммуникативной деятельностью.

Для развития прагмалингвистической компетенции представляется важным осуществление обучения на основе прагматического потенциала дискурсивных маркеров. Необходимо развивать умения правильного использования

дискурсивных маркеров с точки зрения прагматики и грамматики языка.

Под дискурсивными маркерами понимается сложная вспомогательная система дискурса, состоящая из коммуникативных единиц разных частей речи и разного уровня организации, привносящих дополнительную информацию для интерпретации высказывания. Нам представляется целесообразным использование термина «дискурсивный маркер», так как эта языковая единица используется в дискурсе, организует его, выполняет определенные функции и осуществляет своего рода маркирование определенных смыслов, передает дополнительную информацию интенциональной направленности. Когнитивная составляющая дискурсивных маркеров формирует представление участников дискурса о контексте, коммуникативном акте и логике высказывания. Дискурсивные маркеры являются индикаторами металингвистической деятельности в сознании говорящего. Придерживаясь термина «дискурсивный маркер» мы так же следуем мнению K. Aijmer и A.-M. Simon-Vandenbergen о том, что маркер выступает в качестве сигнала для интерпретации высказывания слушающим (Aijmer, Simon-Vandenbergen, 2009).

Дискурсивные маркеры не образуют отдельный класс языковых единиц, так они принадлежат к разным частям речи. Это могут быть: союзы (*and, but, or, because*); наречия (*now, then, so, basically, particularly*); частицы (*oh, well*); вводные предложения (*you know, I mean, by the way, anyway, really, in other words*); модальные глаголы (*can, must, could, may, might, should*); устойчивые выражения (*Would you mind...?, Could you... ? Would you..?*) и предложения (*it is widely accepted that; there is no doubt that…).*

Объединение слов в дискурсивные маркеры происходит на основании выполняемой ими функции в дискурсе. Необходимо отметить, что многие зарубежные исследователи (Fraser, 1996; Halliday, Hasan, 1976; Schiffrin, 1987) рассматривают дискурсивные маркеры как средства последовательной и глобальной связи предложения и высказываний в дискурсе, которые обеспечивают связность и цельность дискурса.

Дискурсивные маркеры не только способствуют логическому выстраиванию дискурса, но имеют определенное прагматическое значение, помогающее интерпретировать высказывание и вскрывать намерения коммуникантов.

Дискурсивные маркеры обладают когнитивной нагрузкой, то есть характеристикой, отражающей способность дискурсивного маркера управлять интерпретацией хода дискурсивного взаимодействия. Когнитивная интерпретация маркированной внешней цели действия определяется данным дискурсивным маркером (Каменский, 2013: 113–114). По мнению М.В. Каменского возможны следующие интерпретации:

– понятийная, то есть выражение некоторого абстрактного понятия о ходе дискурсивного взаимодействия и его логическом развертывании;

– ассоциативная, установление ассоциативных отношений между фактами в высказывании;

– эмоциональная, воздействие дискурсивного маркера на эмоциональное состояние адресата;

– поведенческая, прагматическое воздействие дискурсивного маркера и его способность вызывать конкретные ответные действия;

– культурологическая, то есть дискурсивные маркеры культурно детерминированы и являются характерными признаками национального мышления;

– языковая, закрепленность когнитивной нагрузки в качестве неотъемлемого компонента смыслового наполнения дискурсивного маркера, закрепленного в языковой системе;

– референциальная, соотнесенность дискурсивного маркера с определенным сегментом высказывания (Каменский, 2013: 114).

Особенностью дискурсивных маркеров является то, что благодаря им, может изменяться характер интерпретации высказывания в дискурсе, но его смысловое содержание практически не трансформируется, то есть пропозиционное значение высказывания не изменяется под действием дискурсивного маркера. Однако контекстуальное значение прагматического маркера отличается от пропозиционного, или истинного, значения высказывания (Кибрик, эл.р.).

Стоит отметить мнение M. McCarthy, который выделяет группы грамматических и лексических дискурсивных маркеров. Среди грамматических дискурсивных маркеров исследователь производит следующую классификацию: референция (reference) (личные, притяжательные и указательные местоимения, определенный артикль, конструкция «*such a*»); опущение (ellipses) / замена (substitution); союзы (conjunctions) (McCarthy, 1991: 35).

Данные грамматические дискурсивные маркеры в основном выполняют функцию по организации дискурса. При этом M. McCarthy отделяет их лексическую составляющую от грамматической функции, в то время как обучение грамматике и лексике тесно взаимосвязаны. Более того, прагматизация языковых единиц осуществляет через изменение значения и функции лексической единицы, которая употребляется в высказывании в соответствии с правилами грамматики. Нам представляется возможным, дополнить данную классификацию грамматическими дискурсивными маркерами, выявленными в ходе анализа результатов обучения в примерных образовательных программах языковых дисциплин, изучаемых студентами-лингвистами, а именно:

- прагматические идиомы (*Could you…? Would you …? Would you mind …? Would you like…?* и т.д.);
- модальные глаголы как единицы речевого этикета и как синкретичные дискурсивные маркеры (*Can I open the door? May I come in? Couldn't you repeat this again, please? He must be at home.* и т. д.);
- инфинитивные конструкции (*to begin with, to sum up, to be sure* и т. д.);
- наречия степени уверенности (*definitely, certainly, probably* и т.д.);
- разделительные вопросы (*They're not actually losing much by giving to us, are they?).*

Значения дискурсивных маркеров, как правило, не предметны, поэтому их можно изучать только через их употребление. Грамматические дискурсивные маркеры сочетают в себе вспомогательную и информативную функции, то есть являются синкретичными. Они одновременно являются и дискурсивными маркерами и носителями фактуальной, пропозитивной информации. Наиболее яркий пример – модальные глаголы. Они являются обязательным элементом высказывания, входят в состав предложения, реализуют его предикативность.

Субъективно-модальное значение позволяет их отнести к дискурсивным маркерам. Например, в предложении: *Dr Cox should have been given a long jail sentence* глагол *should* передает основную информацию (то есть имеет значение настоятельного совета, очевидной справедливости) и вспомогательную (снижает категоричность высказывания и подчеркивает некоторую степень неуверенности говорящего в выполненных действиях). Реализация этих двух функций происходит одновременно и никак не определяется контекстом, то есть двойственность всегда присутствует и дает свободу интерпретации намерений говорящего.

Прагматический потенциал любого дискурсивного маркера заключается в совокупности его функций, реализуемых в дискурсе. Грамматические дикурсивные маркеры помимо прагматических функций могут выполнять определенную роль в предложении – предикативную, инициирующую и функцию обстоятельства. Данные дискурсивные маркеры могут создавать определенные синтаксические сложности в построении высказывания, которые необходимо выявлять, отрабатывать и автоматизировать переводя грамматический навык в умение.

Заключение

Коммуникативность обучения связана с обучением на основе аутентичного дискурса и предполагает вовлечение обучающихся в процесс естественной коммуникации, в которой язык познается через речевую деятельность, с исключением псевдокоммуникативности. Обучение реализуется по принципу спиралевидной прогрессии. Коммуникация на ИЯ реализуется с учетом стилистического регистра и ситуации общения, создавая ситуацию аутентичности деятельности.

Ситуативная характеристика процесса развития коммуникативной компетенции, ее аутентичность и стилистический регистр в настоящее время предопределили выделение в ее составе прагмалингвистического компонента. Прагмалингвистическая компетенция рассматривается как способность самостоятельно устанавливать контакт, вступать в речевое общение, поддерживать его и завершать, соблюдая социальные нормы и речевой этикет носителей чужой культуры. Прагмалингвистическая компетенция включает знания о ресурсах языка для реализации определенных интенций с учетом контекста и речевых актов. Однако в процессе обучения ее часто игнорируют, что приводит к возникновению коммуникативных неудач: лингвопрагматических и социопрагматических. Для преодоления данного недостатка в обучении ИЯ необходимо создавать системы коммуникативно-прагматических упражнений, актуализирующих когнитивные процессы обучающихся и их когнитивные стили деятельности и прагматизацию речевой деятельности в условиях обучения, а так же учитывающие современные тенденции ИЯ, представленные аутентичным материалом.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Акопянц А.М. Основополагающие принципы прагмалингводидактики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2008. № 9. С. 230–236.

2. Гребенев А.Н., Шаюк А.Ю. Прагматика в социокогнитивной перспективе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. В 3-х ч. Ч.1. Тамбов: Грамота, 2017. № 5 (71). С.75-80.

3. Вятютнев М.Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах // Русский язык за рубежом. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 1977. № 6. С. 38–45.

4. Каменский М.В. Дискурсные маркеры в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы // ACTA LINGUISTICA. Ставрополь, 2013. Vol. 7, 2. С. 108 – 119.

5. Карпова О.П. Формирование иноязычной грамматической компетенции // Научная сессия ГУАП. Сборник докладов: в 3х частях. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2015. С. 197–199.

6. Кибрик А.А. Лекция «Дискурсивные маркеры» 2009 г. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14-discourse-markers.pps (дата обращения 18.05.2018).

7. Кожухова И.В. Прагматическая компетенция на практикуме по иностранному языку // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2015. № 27 (382). С. 96–100.

8. Мильруд Р.П. Компетентность в языковом образовании // Вестник тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. Тамбов: Издательство: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. 2003. №2(30). С. 100–106.

9. Мильруд Р.П. Коммуникативная компетенция как готовность учащихся к общению на иностранном языке // Язык и культура. Томск: Издательство: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. № 38. С. 250–268.

10. Падей Е.В. Психолого-педагогические исследования формирования коммуникативной компетенции на начальном этапе обучения иностранному языку // Молодой ученый. Казань: ООО «Молодой ученый», 2013. № 2. С. 388–390.

11. Aijmer, K. and Simon-Vandenbergen, A.-M. (2009), "Pragmatic markers", *Handbook of Pragmatics*, John Benjamins Amsterdam, Philadelphia, P.1–29.

12. Bachman, L. (1990), *Fundamental Considerations in Language Testing*, Oxford University Press, Oxford, UK.

13. Canale, M. (1988), *The measurement of communicative competence. Annual review of applied linguistics*, Georgetown University, Georgetown, UK, Vol.8, P. 67-84.

14. Canale, M. and Swaine, M. (1980), "Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing", *Applied Linguistics*, Oxford University Press, Oxford, UK, № 1. P. 47–54.

15. Chomsky, N. (1965), *Aspects of the Theory of Syntax*, MIT Press, Cambridge, UK.

16. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. 2001.

17. Fraser, B. (1996), "Pragmatic markers", *Pragmatics*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands, No. 6(2). P. 167–190.

18. Halliday, M. A. K. (1975), *Learning How to Mean: Explorations in the Development of Language*, Edward Arnold, London , UK.

19. Halliday, M. A. K. and Hasan, R. (1976), *Cohesion in English*, Longman, London, UK.

20. Hymes, D. (1972), *On Communicative Competence: Sociolinguistics. / J.B. Pride and J. Holmes (eds.)*, Penguin, Harmondsworth, UK, P. 269-293.

21. Leech, G. N. (1983), *Principles of Pragmatics*, Longman, London, UK.

22. McCarthy M. (1991), *Discourse analysis for language teachers*, University press Publishing, Cambridge, UK.

23. McNamara, T. F. (1996), *Measuring second language performance*, Longman, London, UK.

24. Savignon, S. J. (1997), *Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. 2nd ed.*, McGraw-Hill, New York, USA.

25. Schiffrin, D. (1987), *Discourse Markers*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

26. Thomas, J. (2013), *Meaning in interaction: an introduction to pragmatics*, Routledge, London, UK.

27. Van Ek, J. A. (1986), *Objectives for foreign language learning, Volume 2*, Council of Europe, Strasbourg, France.

28. Widdowson, H. G. (1978), *Teaching language as communication*, Oxford University Press, Oxford, UK.

References

1. Akopyants, A. M. (2008), "The fundamental principles of pragmalinguistics", *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, Volgogradskij gosudarstvennyj social'no-pedagogicheskij universitet, Volgograd, Russia, № 9. Pp. 230-236. [in Russian].

2. Grebenev, A. N. and Shayuk, A. Y. (2017), "Pragmatics in the cognitive aspect", *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, Gramota*, Tambov, Russia, № 5 (71), Pp.75-80. [in Russian].

3. Vyatyutnev, M. N. (1977), "Communicative orientation of the Russian language teaching in foreign schools", *Russkij yazyk za rubezhom*, Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina, Moscow, Russia, № 6, Pp. 38-45. [in Russian].

4. Kamenskiy, M. V. (2013), *Diskursnye markery v svete kognitivno-diskursivnoy paradigmy* [Discourse markers in the light of cognitive-discursive paradigm], ACTA LINGUISTICA, Stavropol, Russia, Vol. 7, 2, Pp. 108-119. [in Russian].

5. Karpova, O. P. (2015), "Formation of foreign language grammatical competence", *Nauchnaya sessiya GUAP. Sbornik dokladov,* Sankt-Peterburgskij gosudarstvenny universitet aerokosmicheskogo priborostroeniya, Saint Petersburgh, Russia, S. 197–199. [in Russian].

6. Kibrik, A. A. (2009), *Discourse markers*, [Online], available at URL: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/14-discourse-markers.pps (date of access: 18.05.2018). [in Russian].

7. Kozhuhova, I. V. (2015), "Pragmatic competence in a foreign language course", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet, Chelyabinsk, Russia, № 27 (382), Pp. 96-100. [in Russian].

8. Milrud, R. P. (2003), "Competence in language education", *Vestnik tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*.: Izdatel'stvo: Tambovskiy gosudarstvennyy universitet imeni G.R. Derzhavina, Tambov, Russia, №2(30), Pp. 100-106. [in Russian].

9. Milrud, R. P. (2017), "Communicative competence as readiness of students to communicate in a foreign language", *Yazyk i kultura*, Nacional'nyj issledovatel'skiy Tomskiy gosudarstvenny universitet, Tomsk, Russia, № 38, Pp. 250-268. [in Russian].

10. Padey, E. V. (2013), "Psychological and pedagogical research of formation of communicative competence at the initial stage of foreign language teaching", *Molodoy ucheny*, OOO «Molodoyucheny», Kazan, Russia, № 2, Pp. 388-390. [in Russian].

11. Aijmer, K. and Simon-Vandenbergen, A.-M. (2009), "Pragmatic markers", *Handbook of Pragmatics*, John Benjamins Amsterdam, Philadelphia, P.1–29.

12. Bachman, L. (1990), *Fundamental Considerations in Language Testing*, Oxford University Press, Oxford, UK.

13. Canale, M. (1988), *The measurement of communicative competence. Annual review of applied linguistics*, Georgetown University, Georgetown, UK, Vol.8, P. 67–84.

14. Canale, M. and Swaine, M. (1980), "Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing", *Applied Linguistics*, Oxford University Press, Oxford, UK, № 1. P. 47–54.

15. Chomsky, N. (1965), *Aspects of the Theory of Syntax*, MIT Press, Cambridge, UK.

16. *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. 2001.

17. Fraser, B. (1996), "Pragmatic markers", *Pragmatics*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands, No. 6(2). P. 167–190.

18. Halliday, M. A. K. (1975), *Learning How to Mean: Explorations in the Development of Language*, Edward Arnold, London , UK.

19. Halliday, M. A. K. and Hasan, R. (1976), *Cohesion in English*, Longman, London, UK.

20. Hymes, D. (1972), *On Communicative Competence: Sociolinguistics. / J.B. Pride and J. Holmes (eds.)*, Penguin, Harmondsworth, UK, P. 269-293.

21. Leech, G. N. (1983), *Principles of Pragmatics*, Longman, London, UK.

22. McCarthy M. (1991), *Discourse analysis for language teachers*, University press Publishing, Cambridge, UK.

23. McNamara, T. F. (1996), *Measuring second language performance*, Longman, London, UK.

24. Savignon, S. J. (1997), *Communicative Competence: Theory and Classroom Practice. 2nd ed.*,McGraw-Hill, New York , USA.

25. Schiffrin, D. (1987), *Discourse Markers*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

26. Thomas, J. (2013), *Meaning in interaction: an introduction to pragmatics*, Routledge, London, UK.

27. Van Ek, J. A. (1986), *Objectives for foreign language learning, Volume 2*, Council of Europe, Strasbourg, France.

28. Widdowson, H. G. (1978), *Teaching language as communication*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Шустова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Svetlana V. Shustova, Doctor of Philology, Perm State University.

Царенко Наталья Михайловна, преподаватель, АНО ДО «Центр коммуникационных программ».

Natalia M. Tsarenko, Teacher, Center for Communication Programs.

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-4

Ahmed Alduais

AN OVERVIEW OF THE TYPOLOGY OF THE MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE ARABIC LANGUAGE BASED ON WALS DATABASE

Institute of International & Comparative Education
Faculty of Education, Beijing Normal University (BNU), Beijing,
P.R. China
Tel: 00-86-132-600-80-166
E-mail: ibnalduais@gmail.com

Abstract. The study of the typology of languages seems to be approaching languages at a micro level. For instance and with reference to the WALS database, the study of the typology of morphological features of Arabic results into ending up with examining Arabic [languages] other than the Arabic Language. This is clearly indicated according to the conducted studies on some Arabic language varieties which have some of these morphological features that are not observable in the other varieties of the Arabic language. Is this a plus for the Arabic language or is it a minus feature that could result into weakening the linguistic features of Arabic? Diversity among languages is a normal linguistic phenomena but is it so in the case of the typology of languages? Does this exist in similar contexts like British English, North American English, Australian English, etc.? While answering these questions goes beyond this paper, we explored ten morphological features of the typology of languages with a summary for the Arabic language(s) that will hopefully lead to a further study examining such raised questions.

Key words: typology of languages; Arabic language; WALS database; morphological features.

An overview of the typology of the morphological features of the Arabic Language based on WALS database

Introduction

Several studies have been conducted on the typology of morphology with an attempt to classify languages using certain features. We reviewed a number of these studies based on The World Atlas of Language Structures Online (hereafter WALS) database (http://wals.info/) and we limited our discussion to the morphological features: fusion and exponence of inflectional formatives, verb inflectional synthesis, locus of marking in the clause, possessive noun phrases and whole-language typology, prefixing vs. Suffixing in inflectional morphology, reduplication, case syncretism, syncretism in verbal person/number marking, and concluding with the characteristics of Arabic among these reviewed morphological features.

Three steps were followed to present the extracted data from WALS database. First, the morphological feature in briefly introduced. Second, the values of the morphological features are presented, the number of representing language for each value and then the percentage of these languages among the total included languages for each morphological feature. Each table is also followed by a line graph displaying the

distribution of these languages among the values of each morphological feature.

Fusion of Selected Inflectional Formatives

Bickel and Nichols (2013) emphasise on the varying views resulting from the classical view in regard to the typology of morphology in regard to phonological fusion. Having started in 19th century, it views languages in terms of four aspects as illustrated below in (table 1). Based on this typology, a number of different variables could be further investigated, namely: phonological fusion, formatives exponence and flexivity.

Table 1

Phonological fusion types based on WALS database

Fusion which has three types refers to 'the degree to which grammatical markers (called formatives in the following) are phonologically connected to a host word or stem' (ibid). The following tables show the three types with the characteristics and an example language for each.

Table 2

Types and characteristics of fusion based on WALS database

Type	Characteristics	Sample language
Isolating	full-fledged phonological words of their own	Fijian
Concatenative	phonologically bound	Turkish
Nonlinear: - ablaut - tonal	not realized by direct modification of their host tense is marked by complete affix-plus-stem pattern most tense-aspect opposition are expressed by tone	Modern Hebrew Kisi (Atlantic; Guinea)

The authors examined the typology of tense-aspect mood for such languages in terms of the below given values including 165 languages based on two values (tense-like and case-like).

Table 3

Tense-aspect mood feature based on WALS database

Value	No.	(%)	Sample language(s)
Exclusively concatenative	125	76%	English, Turkish
Exclusively isolating	16	10%	Hausa, Indonesian
Exclusively tonal	3	2%	Kisi, Lango
Tonal/isolating	1	0%	Yoruba
Tonal/concatenative	2	1%	Nandi, Swahili
Ablaut/concatenative	**5**	**3%**	**Arabic (Egyptian), Hebrew**
Isolating/concatenative	13	8%	Mandarin, Thai
Total	165	100%	

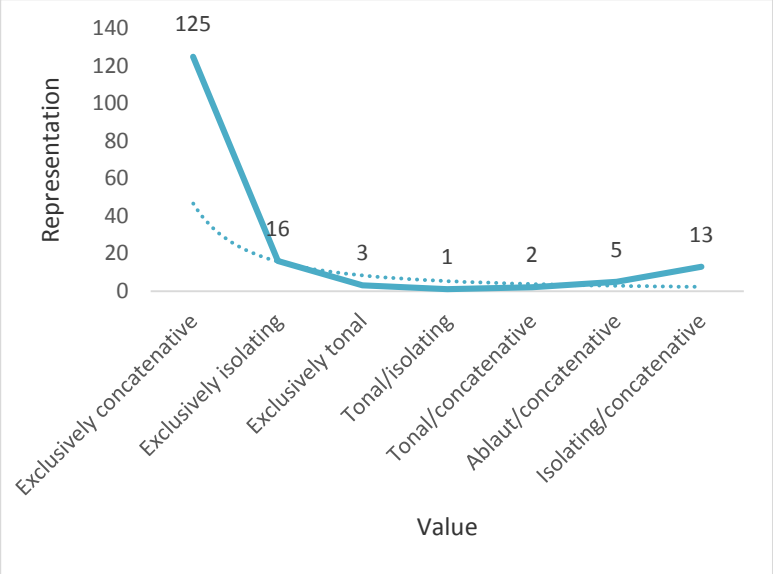

Fig. 1. Distribution of 165 languages for tense-aspect mood feature

The data indicates that the highest percentages of the included languages lies within the exclusively concatenative value followed by exclusively isolating languages and isolating/ concatenative languages. It could be also noticed that in the last three types: tonal, ablaut, and isolating are features accompanied with concatenative. By this means, *concatenative* stands as a prominent feature in terms of phonological fusion in the morphological typology of languages.

Exponence of Selected Inflectional Formatives

According to Bickel and Nichols (2013) exponence is a morphological typological feature referring to 'the number of categories that cumulate into a single formative' that could be either monoexponential or polyexponential. Both of these types can be linked with any other fusion types. Besides, exponence is totally morphology-based feature. That is, 'it is independent of the phonological connection between host and formative'.

Using the values (tense-like and aspect-like), the authors examined 162 languages in terms of case exponence. It should be noted that in this part tense-aspect-mode was referred to one category.

Table 4

Case exponence feature based on WALS database

Value	No.	(%)	Sample language(s)
Monoexponential case	71	44%	Turkish, Japanese
Case + number	8	5%	Finish, Russian
Case + referentiality	6	4%	Tagalog, Paiwan
Case + TAM (tense-aspect-mood)	2	1%	Lugbara, Kayardild
No case	**75**	**46%**	**Arabic (Egyptian), English**
Total	162	100%	

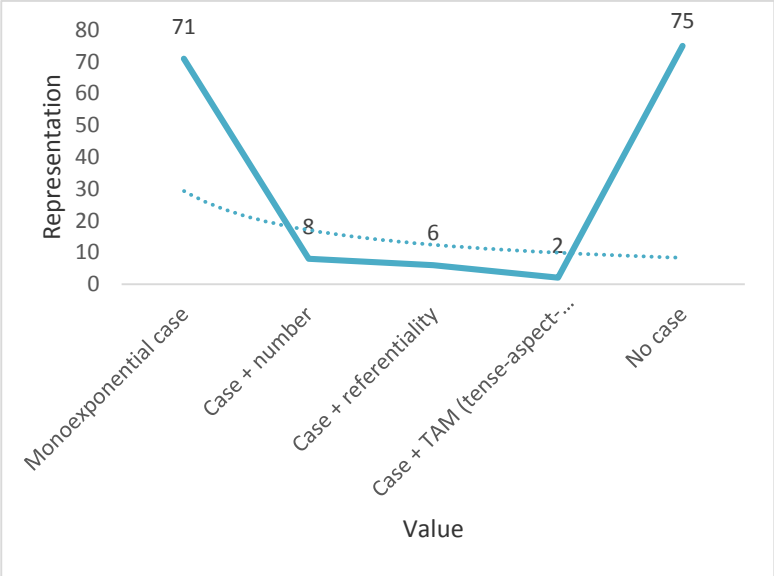

Fig. 2. Distribution of 162 languages for case exponence feature

With reference to the above data, it could be seen that the highest percentage of languages is for (no case) followed by (monoexponential case). The percentages of the other values are very low and represent a few languages compared to the two major values: (monoexponential) and (no case).

Table 5

Tense-aspect-mode (TAM) exponence feature based on WALS database

Value	No.	(%)	Sample language(s)
monoexponential TAM	127	79%	Turkish, English
TAM+agreement	19	12%	French, Spanish
TAM+agreement+diathesis	**4**	**2.5%**	**Arabic (Egyptian), Hebrew (Modern)**
TAM+agreement+construct	1	1%	Lango
TAM+polarity	5	3%	Maasai, Koyra
no TAM	4	2.5%	Sango, Bororo
Total	160	100%	

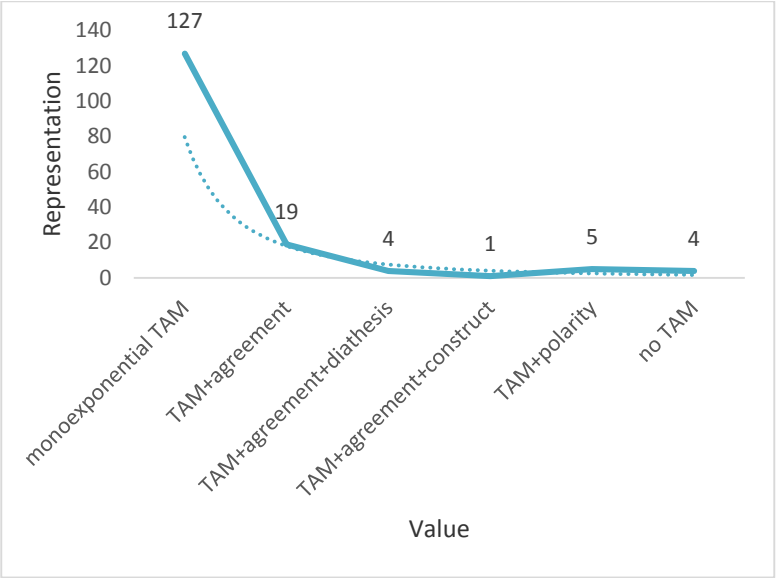

Fig. 3. Distribution of 160 languages for tense aspect mode exponence feature

This table which represents the tense-aspect-mode (TAM) exponence shows that the major value is that of monoexponential TAM. The difference between this value and the others is highly significant where the highest one among the others is (TAM+agreement) with only 12% and the lowest is (TAM+ agreement_ construct) with only less than 1%.

It could be concluded within this feature that certain values are shared by a certain number of languages that could be linked historically or in terms of family languages—indicating the possibility of historical relationships among such languages.

Inflectional Synthesis of the Verb

Synthesis reflects the situation when some words are added or suffixes are attached to the words to indicate features like tense, voice, agreement, etc. (Bickel & Nichols, 2013). Yet, synthesis can have two forms. The former occurs when the attachment is a suffix (English: play-ed) and the latter occurs when the attachment is a word (English: will play). The first one is referred to synthetic inflection and the second one is referred to analytic inflection (ibid). While the synthetic one is purely morphological, the analytic one is syntactic.

Generally, synthesis is independent of fusion i.e. phonological effect. The authors surveyed inflectional synthesis in terms of '…agreement, tense/aspect/mood, evidentials/miratives, status (realis, irrealis, etc.), polarity (negation), illocution (interrogative, declarative, imperative), and voice (including Austronesian-style verb orientation), … argument NPs in the case of agreement, sequence of tense rules in the case of tense, cross-clausal anaphora in the case of voice, etc.)' (ibid).

Category per word (cpw) was used to measure synthesis in terms of more and less synthetic items—maximally inflected verb form. For instance, (English: play-ed) for the past tense is more synthetic than the future (English: will-paly). This results into English verb form having cpw=2 degree. With reference to the presented results below, the author emphasise on the sufficiency of such data as an indicator for the worldwide distribution of the degree of synthesis.

Table 6

Category per word synthesis feature based on WALS database

Value	No.	(%)	Sample language(s)
0-1 category per word	5	3%	Mandarin, Sango
2-3 categories per word	24	17%	English, German
4-5 categories per word	52	36%	French, Spanish
6-7 categories per word	**31**	**21%**	**Arabic (Egyptian), Turkish**
8-9 categories per word	24	17%	Georgian, Lai
10-11 categories per word	7	5%	Abkhaz, Imonda
12-13 categories per word	2	1%	Koasati, Wichita
Total	145	100%	

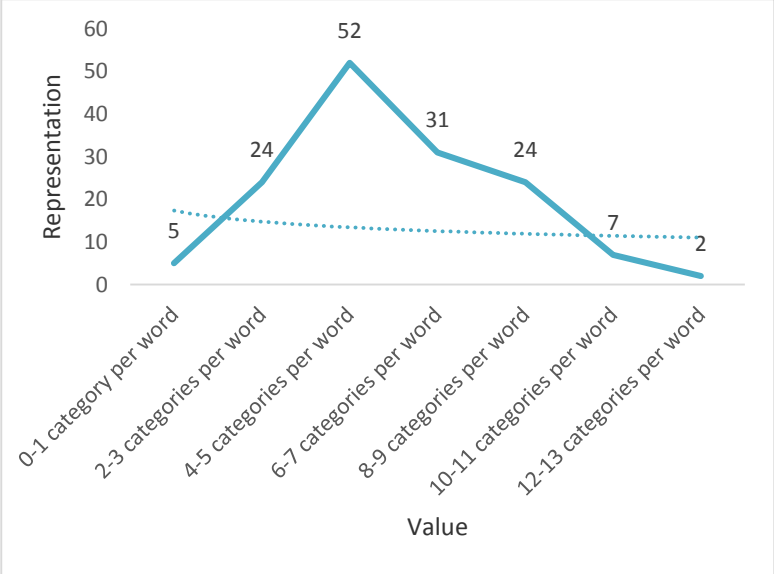

Fig. 4. Distribution of 145 languages for category per word synthesis feature

The table indicates clearly that the degree of synthesis among languages could vary from 0-13 with 4-5 cpw as the major category among the investigated number of languages. In other words, languages on the basis of such presented data could be divided into languages with high synthesis degree and those with less synthesis degree. Yet, a zero or weak degree of synthesis might be possible within the first category.

Locus of Marking in the Clause

Nichols and Bickel (2013) presented locus in terms of three aspects: locus of marking in the clause, locus of marking in possessive noun phrases and locus of marking in whole-language typology. Each will be presented separately.

Generally speaking, locus reflects 'overt morphosyntactic marking reflecting the syntactic relations within the phrase' (ibid). It could be the head of a phrase (head-marked), not in the head (dependent-marked), in both positions (double-marked), or on none of the positions (no marking). The given table below shows the distribution of 236 languages on the basis of such features.

Table 7

Locus of marking in clause feature based on WALS database

Value	No.	(%)	Sample language(s)
P is head-marked	71	30%	Fijian, Swahili
P is dependent-marked	63	26.5%	English, Turkish
P is double-marked	58	24.5%	Persian, Spanish
P has no marking	**42**	**18%**	**Arabic (Egyptian), French**
Other types	2	1%	Malakmalak, Yagua
Total	236	100%	

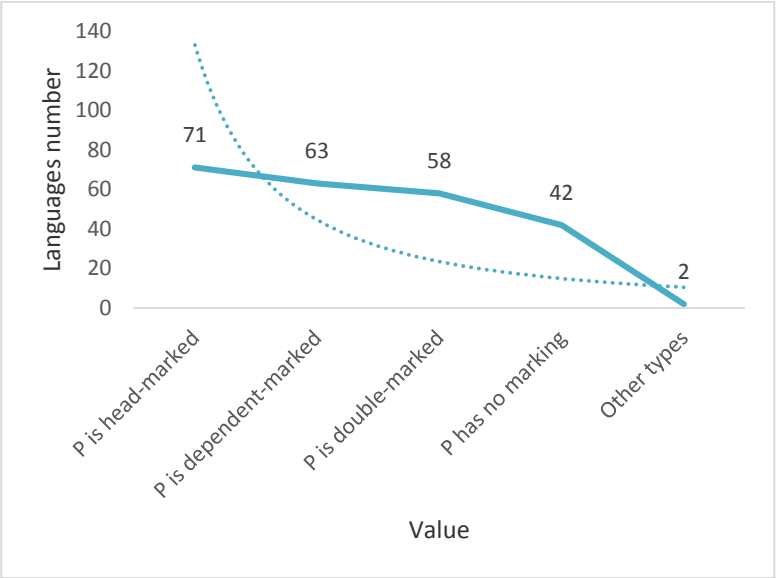

Fig. 5. Distribution of 236 languages for locus of marking in the clause feature

Among the five features, it could be clearly seen that (head-marking) is the major feature with 30% followed with (dependent-marking) over 26% and (double-marking) over 24%. The minor features are (other types) with only 1% and (no marking) 18%. Languages seems to be generally majored with a certain feature, that is, marking on the head, on another position or using both. An exemplar-based survey of marking types was used to reach the four types of locus marking: head-marking, dependent-marking, double-marking and no/zero marking.

Locus of Marking in Possessive Noun Phrases

In the earlier section, locus marking in the clause was introduced; in this section, locus in the possessive noun phrase is presented. Similar to locus marking in the clause having four types, here also there are four types where in the possessor is head-marked, dependent-marked, double-marked, not marked, or none of these features (other cases). These types are illustrated below.

Table 8

Locus of marking in possessive noun phrases feature based on WALS database

Value	No.	(%)	Sample language(s)
Possessor is head-marked	78	33%	Fijian, Persian
Possessor is dependent-marked	98	41.5%	English, French
Possessor is double-marked	22	9%	Greek (Moder), Turkish
Possessor has no marking	**32**	**13.5%**	**Arabic (Egyptian), Indonesian**
Other types	6	2.5%	Malagasy, Nakkara
Total	236	100%	

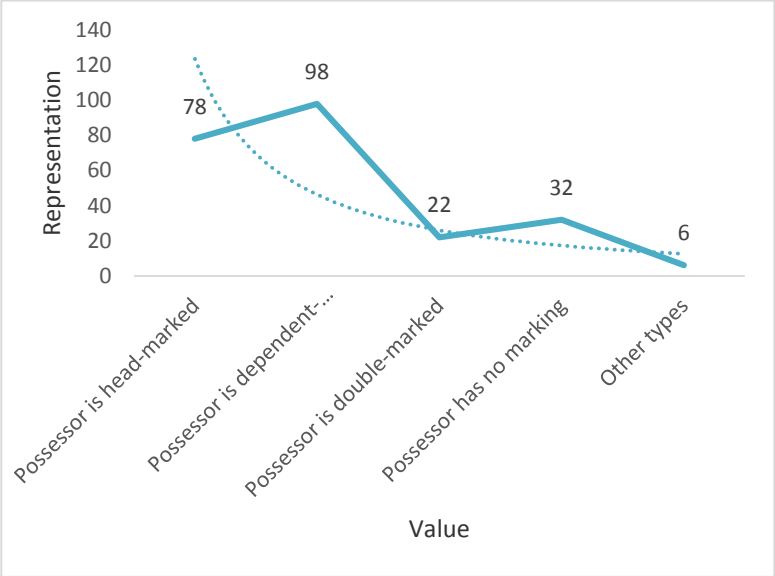

Fig. 6. Distribution of 236 languages for locus of marking in possessive noun phrases feature

Among 236 languages, this data shows the distribution of locus marking in the noun phrase. The major type is (dependent-marking) with a percentage over 41% followed by (head-marking) with the percentage of 33%. The difference between these two types and the other types is clearly significant where in the highest percentage for the other types is less than 14% (no marking) followed by (double-marking) with the percentage of 9%. The lowest percentage is less 3% for the other types of locus marking in the phrase where the other rules of morphosyntactic marking are applicable.

In comparison between locus marking in the clause and locus marking in the noun phrase, we can find some differences in terms of major and minor among these features. For instance, while head-marking is the major type in the case of locus marking in the clause, dependent-marking is instead the major type in the case of locus marking in the noun phrase. In both types of locus, (other cases) is the minor type of locus marking with an insignificant different in favour of the locus marking in the noun phrase about 3%, compared to exactly 1% in the case of the former.

Finally, it should be noted that the authors have used an exemplar-based survey to reach the above given distribution and/or classification of languages in terms of locus of marking in the noun phrase. This method is generally yet basically used on counting on the most typological features (default) of a certain language for the investigated area i.e. noun phrase, the least typological patterns.

Locus of Marking: Whole-language Typology

In the earlier two sections of locus; locus of marking in the clause and locus of marking in the noun phrase were introduced, in this section locus of marking in the whole language typology is examined. The table below illustrates the distribution of 236 languages in terms of this feature.

Table 9.

Locus of marking in whole-language typology feature based on WALS database

Value	No.	(%)	Sample language(s)
Consistently head-marking	47	20%	Abkhaz, Fijian
Consistently dependent-marking	46	19.5%	English, German
Consistently double-marking	16	7%	Greek (Modern), Hua
Consistently zero-marking	6	2.5%	Indonesian, Vietnamese
Inconsistent marking or other type	**121**	**51%**	**Arabic, Turkish**
Total	236	100%	

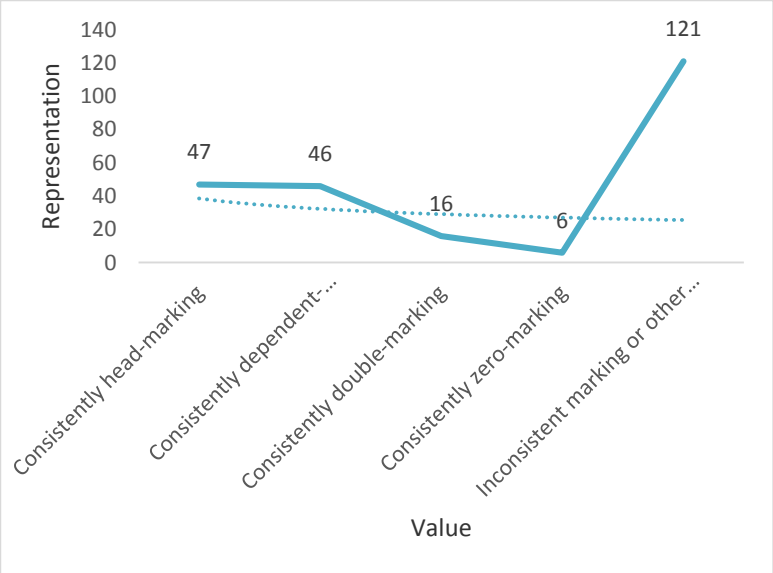

Fig. 7. Distribution of 236 languages for locus of marking in whole-language typology feature

Five types of locus in the whole-language typology are used in this section: consistently head-marking, consistently dependent marking, consistently double-marking, consistently zero-marking or inconsistent marking/other types. Over half of the included languages lie within the inconsistent marking/ other type. The other half of the include languages are distributed among the other four types with over yet nearly equal majority for both (consistently head marking) and (consistently dependent-marking) with about 20% for each.

Prefixing vs. Suffixing in Inflectional Morphology

In this section the author investigated the typology of a number of languages in terms affixation. In order to achieve this, Dryer (2013) set out a number of inflectional affixes which are shown below.

Table 10

Inflectional affix forms

1)	case affixes on nouns
2)	pronominal subject affixes on verbs
3)	tense-aspect affixes on verbs
4)	plural affixes on nouns
5)	pronominal possessive affixes on nouns
6)	definite or indefinite affixes on nouns
7)	pronominal object affixes on verbs
8)	negative affixes on verbs
9)	interrogative affixes on verbs
10)	adverbial subordinator affixes on verbs

The next step was assigning languages a prefixing index and a suffixing index. This assignment works by summing the total value of given points for each of the above given affixational values. A language is given one point for the availability of each value, one point and half if the a language has both the prefix and the suffix feature with no dominance for each, and two points for the three first values which were considered as vital ones.

Table 11

Affixation feature based on WALS database

Value	No.	(%)	Sample language(s)
Little or no inflectional morphology	141	14.5%	Fijian, Hausa
Predominantly suffixing	**406**	**42%**	**Arabic (Modern Standard, Turkish**
Moderate preference for suffixing	**123**	**12.5%**	**Arabic (Gulf), Persian**
Approximately equal amounts of suffixing and prefixing	**147**	**15%**	**Arabic (Iraqi), Irish**
Moderate preference for prefixing	94	9%	Amo, Swahili
Predominantly prefixing	58	6%	Akan, Birom
Total	969	100%	

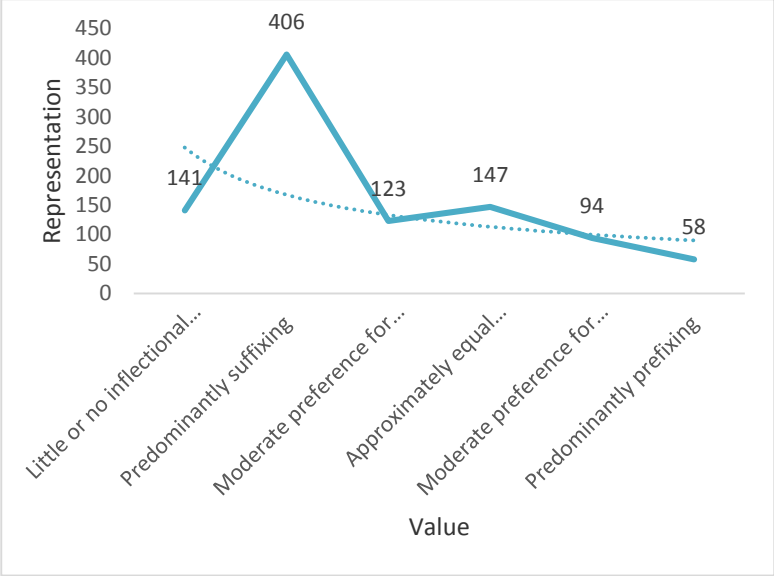

Fig. 8. Distribution of 969 languages for affixation feature

Table 12

Indexing of affixation value based on WALS database

Feature	Prefixing index	Suffixing index
Little or no inflectional morphology	≤ 2*	
Predominantly suffixing		>80
Moderate preference for suffixing		>60
Approximately equal amounts of suffixing and prefixing	≤60*	≥40
Moderate preference for prefixing	>60 and ≤80*	
Predominantly prefixing	>80	

*Refers to affixing index which represents both prefixing and suffixing index

It could be seen from the above data that the over majority of languages from among 969 are (predominantly suffixing) with the percentage 42%. The least type is with that feature of (predominantly prefixing) which has only 58 languages representing only 6%. This last point raises the question why suffixes are more frequent than prefixes!

Reduplication

Republication as 'a widely used morphological device among a number of languages' referring to 'the repetition of phonological material within a word for semantic or grammatical purposes' (Rubino, 2013).

Reduplication can have three forms: full reduplication, productive full and partial reduplication, or no productive reduplication. Full reduplication is 'is the repetition of an entire word, word stem (root with one or more affixes), or root' (ibid). In comparison, partial reduplication is that which can occur 'in a variety of forms, from simple consonant gemination or vowel lengthening to a nearly complete copy of a base' (ibid).

Table 13

Reduplication feature based on WALS database

Value	No.	(%)	Sample language(s)
Productive full and partial reduplication	**278**	**75.5%**	**Arabic (Syrian), Turkish**
Full reduplication only	35	9.5%	Fijian, Japanese
No productive reduplication	55	15%	English, French
Total	368	100%	

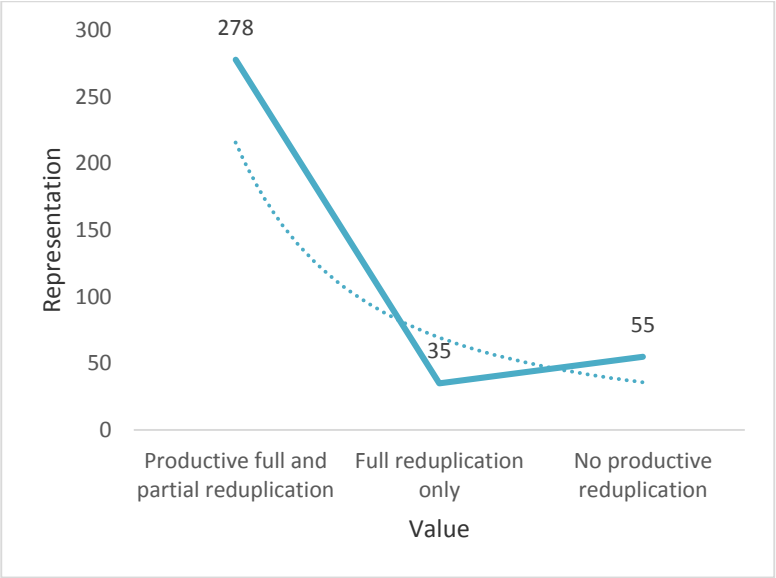

Fig. 9. Distribution of 368 languages for reduplication feature

368 languages were examined in terms of reduplication with three values as shown above in the table. The over majority of languages are those with productive full and partial reduplication. They represent over 75%. The least type of reduplication is (full reduplication only) representing less than 10%.

According to Rubino (2013), the phonological nature of reduplication can vary among languages. That is to say, 'reduplicative morphemes can be characterized by number of phonemes included in the copy, C, CV, CVC, V, CVCV, etc.; the number of syllables to be reduplicated; or the number of repeated morae' (ibid).

Similarly, reduplicative constructions can be either simple, complex, or automatic. The first one is 'in which the reduplicant matches the base from which it is copied without phoneme changes or additions'. Dissimilar to this is the complex construction which 'involves reduplication with some different phonological material, such as a vowel or consonant change or addition, or morpheme order reversal' (ibid). Comparatively, automatic reduplication 'is [that] which is obligatory in combination with another affix, and which does not add meaning to the overall construction; the affix and reduplicated matter together are monomorphemic' (ibid). Lastly, reduplication has a number of functions which could be briefly presented as follows:

Table 14

Reduplication functions

Reduplicative morpheme	Function
CVC- distributive prefix for nouns with number	Limitation
With verbs (and adjectives)	number (plurality, distribution, collectivity), distribution of an argument, tense, aspect (continued or repeated occurrence; completion; inchoativity), attenuation, intensity, transitivity (valence, object defocusing), or reciprocity
With nouns	denoting concepts such as number (see 1),

	case, distributivity, indefiniteness, reciprocity, size (diminutive or augmentative), and associative qualities
With numbers	expressing various categories including collectives, distributives, multiplicatives, and limitatives
Derivationally	altering word class

Case Syncretism

According to Baerman and Brown (2013) case syncretism is realised 'when a single inflected form corresponds to two or more case functions'. Four values are used: inflectional case marking is absent, inflectional case marking is syncretic for cases only, inflectional marking is syncretic for core and non-core cases and inflectional case marking is never syncretic.

Table 15

Case syncretism feature based on WALS database

Value	No.	(%)	Sample language(s)
Inflectional case marking is absent or minimal	**123**	**62%**	**Arabic (Egyptian), Japanese**
Inflectional case marking is syncretic for core cases only	18	9%	English, Fijian
Inflectional case marking is syncretic for core and non-core cases	22	11%	French, German
Inflectional case marking is never syncretic	35	18%	Turkish, Hausa
Total	198	100%	

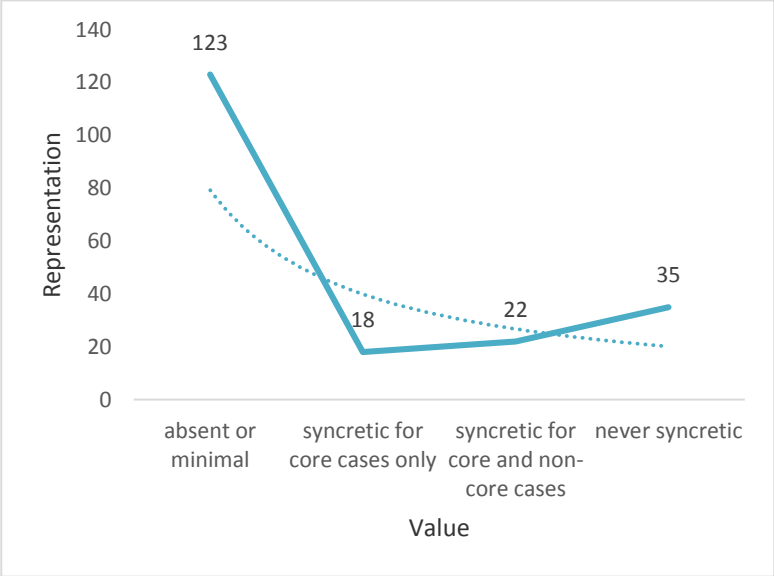

Fig. 10. Distribution of 198 languages for case syncretism feature

Over than half of the included number of languages have the value (inflectional case marking is absent or minimal) representing 62%. The minor value is for (inflectional case marking is syncretic for core cases only) representing less than 10%. In general, case marking syncretism is found only in 40 languages with less than half of them having

this feature for only core cases. Thus, the above data raises a number of questions listed below:

1. With reference to case semantics, if two or more functions can be explained in the same form, do they share some element(s) of meaning?

2. In the case of core case syncretism, distinction between higher intimacy arguments (accusative form) and lower intimacy arguments (ergative form); and

3. In the case of non-core case syncretism, cross-linguistic regularities: is it a matter of language-specific morphological or phonological idiosyncrasies or a matter of general principles?

Syncretism in Verbal Person/Number Marking

Baerman and Brown (2013) present 'syncretism in the inflectional marking of subject person in verbs'. Three values were used: no subject person/ number marking, subject person/ number marking is syncretic and subject person/ number marking is never syncretic.

Table 16

Syncretism in verbal person/number marking feature based on WALS database

Value	No.	(%)	Sample language(s)
No subject person/number marking	57	29%	Hausa, Fijian
Subject person/number marking is syncretic	**60**	**30%**	**Arabic (Egyptian), English**
Subject person/number marking is never syncretic	81	41%	Turkish, Russian
Total	198	100%	

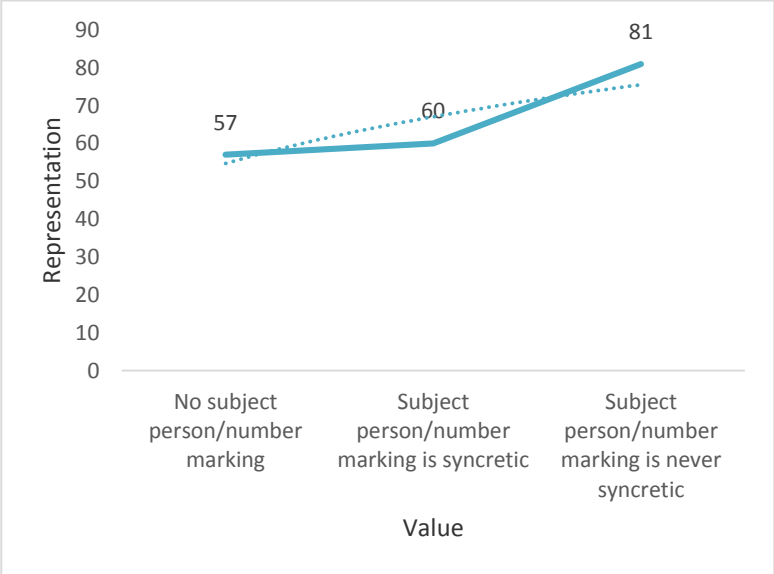

Fig. 11. Distribution of 198 languages for syncretism in verbal person/number marking feature

The examined data represents 198 languages where in the value (subject person/number marking is never syncretic) is the major one with the percentage 41%. The other two values are close with a minor difference of 1% in favour of the (subject person/number marking is syncretic). Syncretism has some common patterns including: number and scope (as limited or systematic). The reached results in regard to subject person syncretism led the researcher to inquire the possibility of morpho-semantic relationship in terms of the following theoretical implications and assumptions:

1. Identity of form indicates identity of function [+ discourse participant] and [- speaker];

2. the syncretic form could be construed

as unspecified for person;

3. The syncretic form actually "belongs" to one of its component values; and

4. Syncretism could be the result of purely fortuitous homophony.

Features of Arabic

The Arabic Language is introduced on WALS as a Semitic language and the official language of 22 countries which are the official members of the Arab League per say. These countries in Alphabetical orders are: Algeria, Bahrain, Comoros, Djibouti, Egypt, Iraq, Jordon, Kuwait, Lebanon, Libya, Mauritania, Morocco, Oman, Palestine, Qatar, Saudi Arabia, Somalia, Sudan, Syria, Tunisia, United Arab Emirates and Yemen. Each of these countries has its own dialect when it comes to daily communication. However, when it comes to writing and media or say the official use of language, a unified language is used, namely referred to Modern Standard Arabic (MSA). The communication among Arabs is highly successful. Needless to say that the differences among dialects includes all linguistics levels: phonological, lexical, structural and pragmatic levels. In terms of sociolinguistics, the further the distance is, the more differences will be among the dialects of Arabic. This is of course in addition to the effect of media in terms of dominance where in Egyptian Arabic, Syrian Arabic seem to stand as the major ones.

Table 17

Morphological features and assigned values for the Arabic language(s) based on WALS database

No.	Typological area	Feature	Arabic
1	Fusion of Selected Inflectional Formatives	Ablaut/concatenative	EA*
2	Exponence of Selected Inflectional Formatives	No case	EA
		TAM+ agreement+ diathesis	EA
3	Inflectional Synthesis of the Verb	6-7 categories per word	EA
4	Locus of Marking in the Clause	P has no marking	EA
5	Locus of Marking in Possessive Noun Phrases	Possessor has no marking	EA
6	Locus of Marking: Whole-language Typology	Inconsistent marking or other type	EA
7	Zero marking of A and B arguments	No zero marking	EA
8	Prefixing vs. Suffixing in Inflectional Morphology	Predominantly suffixing	MSA*
		Moderate preference for suffixing	GA*
		Approximately equal amounts of suffixing and prefixing	IA*
		Weakly suffixing	EA +GA+ MA*+ SA*
9	Reduplication	Productive full and partial reduplication	EA+ SA
10	Case Syncretism	Inflectional case marking is absent or minimal	EA
11	Syncretism in Verbal Person/Number Marking	Subject person/number marking is syncretic	EA

*EA: Egyptian Arabic, MSA: Modern Standard Arabic, GA: Gulf Arabic, IA: Iraqi Arabic, MA: Moroccan Arabic, SA: Syrian Arabic

The above table presents the 11 morphological features of Arabic according to WALS database. With reference to our introductory part, we can clearly notice that the representation of the varieties of Arabic is more than that of the Standard Arabic or even the Modern Standard Arabic. Egyptian Arabic is the major represented language in regard to these presented features in the WALS database. In one way or another, this does not mean the absence of these features in the other varieties of Arabic. There are two possible explanations for this result. First of all, it could be a sociolinguistic one moving towards social biasness (i.e. sociolinguistic biasness in the case of an insider researcher and intellectual/psychological biasness in the case of an outsider researcher) for one variety of the Arabic over the others. In other words, the researcher who conducted the studies on the Egyptian Arabic [preferred] presenting the diversity and power of the Egyptian Arabic instead of examining the Standard Arabic or the Modern Standard Arabic. And this also applies to the studies which examined Gulf Arabic, Moroccan Arabic and Syrian Arabic. Second, it could be attributed to the point that this area is under researched and the researchers [chose] to examine their own variety or the one they are familiar with—probably assuming that the spoken language is more effective than the written and formal spoken Arabic (i.e. referring to both Standard Arabic and Modern Standard Arabic).

Conclusions

The presented typological features of languages in WALS database seem to move the direction of the study of typology from the macro level to the micro level. It was clear that not only the Arabic language was presented, but Arabic languages, instead. This evidenced flexibility of the morphology of Arabic is a plus; however, a further evidence is needed for the reason(s) leading to this diversity especially when realising that the original spoken Arabic was the Standard Arabic when referring to the pre-Islamic and Islamic periods.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

References

1. Baerman, M. and Brown, D. (2013), *Case Syncretism*, The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology [Online], available at: http://wals.info/chapter/28 (Accessed April 3, 2016).

2. Baerman, M. and Brown, D. (2013), *Syncretism in Verbal Person/Number Marking*, The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology [Online], available at: http://wals.info/chapter/29 (Accessed April 3, 2016).

3. Bickel, B. and Nichols, J. (2013), *Exponence of Selected Inflectional Formatives*, The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology [Online], available at: http://wals.info/chapter/21 (Accessed April 3, 2016).

4. Bickel, B. and Nichols, J. (2013), *Fusion of Selected Inflectional Formatives*, The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology [Online], available at: http://wals.info/chapter/20 (Accessed April 3, 2016).

5. Bickel, B. and Nichols, J. (2013), *Inflectional Synthesis of the Verb*, The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology [Online], available at: http://wals.info/chapter/22 (Accessed April 3, 2016).

6. Dryer, M. S. (2013), *Suffixing in Inflectional Morphology*,The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology [Online], available at: http://wals.info/chapter/26 (Accessed April 3, 2016).

7. Dryer, M. S. and Haspelmath, M. (Eds.). (2013), *The World Atlas of Language Structures Online*, Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology [Online], available at: http://wals.info (Accessed May 1, 2016).

8. Nichols, J. and Bickel, B. (2013), *Locus of Marking in Possessive Noun Phrases*, The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology [Online], available at: http://wals.info/chapter/24 (Accessed April 3, 2016).

9. Nichols, J. and Bickel, B. (2013), *Locus of Marking in the Clause*, The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology [Online], available at: http://wals.info/chapter/23 (Accessed April 3, 2016).

10.Nichols, J. and Bickel, B. (2013), *Locus of Marking: Whole-language Typology*, The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology [Online], available at: http://wals.info/chapter/25 (Accessed April 3, 2016).

11.Rubino, C. (2013), *Reduplication*, The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology [Online], available at: http://wals.info/chapter/27 (Accessed April 3, 2016).

Ahmed Alduais, Institute of International & Comparative Education, Faculty of Education, Beijing Normal University (BNU).

РАЗДЕЛ III. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.11 **DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-5**

Янутик С.Я.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ЗАИМСТВОВАННЫХ АФФИКСОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Студенческая, 14, г. Белгород, 308007
Россия
E-mail: yanutik@bsu.edu.ru

Аннотация
В статье рассматриваются семантические классы заимствованных латинских аффиксов в английском языке, а также исследуются наиболее продуктивные морфемы в системе знаменательных частей речи английского языка. Исследование показывает, что заимствованные аффиксы, образуя новые слова, объединяются в семантические классы, на основании определенного сходства и различия. Такие классы характеризуются семантическими особенностями, проявляющимися в тех или иных признаках и особенностях. Новые слова отличаются от любого другого слова в пределах совокупности определённых семантических признаков. Рассматривается аффиксация как процесс образования новых слов, в котором каждая часть будет нести определенную смысловую нагрузку. В статье проанализированы способы образования новых слов, как разновидность аффиксации (суффиксация и префиксация) на примере следующих суффиксов -ify, -ate, -ize, -tion, -dom и префиксов inter-, multi-, ad-, circum-, contra-, de-, dis-. Объединение вновь образованных слов в семантические классы представляет собой обобщение на основании единого семантического признака, который является классифицирующим.
Ключевые слова: аффиксация; семантические классы; суффикс; префикс; лексико-семантические единицы; словообразование.

Stella Y. Yanutik

SEMANTIC CLASSES OF LOANED AFFIXES IN THE ENGLISH LANGUAGE

Belgorod State National Research University
14 Studencheskaya St., Belgorod, 308007
Russia
E-mail: yanutik@bsu.edu.ru

Abstract. The article deals with semantic classes of borrowed Latin affixes in English. Besides, it describes the most productive morphemes in the system of significant parts of the speech of the English language. The study shows that the borrowed affixes, forming new words, are combined into semantic classes, based on

a certain similarities and differences. Such classes are characterized by semantic features, manifested in certain features and characteristics. New words are different from any other word within the totality of certain semantic features. Affixation is considered as the process of formation of new words, in which each part will carry a certain semantic load. The article analyzes the ways of forming new words, as a kind of affixation (suffixation and prefixation) using the example of the following suffixes -ify, -ate, -ize, -tion, -dom and prefixes inter-, multi-, ad-, circus-, contra-, de -, dis-.
Key words: affixation; categorization; suffix; prefix; lexical and semantic units, word-formation.

Введение

Как известно, «возрастающие потребности общества в номинации новых реалий могут быть удовлетворены несколькими источниками: одним из которых является заимствование и их дальнейшее включение в деривационные процессы» [5, 1]

Актуальность обращения к проблеме исследования семантических классов заимствованных аффиксов в английском языке определяется новыми подходами и необходимостью обобщения накопленного опыта в области словообразования.

Основная часть

Целью нашего исследования является семантический анализ заимствованных морфем в современном английском языке. В процессе анализа мы используем следующие методы: описательный, функционально-семантический и деривационного этимологического анализа.

Материалом исследования являются заимствованные аффиксы английского языка, закрепленные в лексикографических источниках Webster's Revised Unabridged English Dictionary [WRUED], Online Etymology Dictionary**.**

Вопросы семантического анализа рассматривалась такими учеными как Л.М. Васильев, Т.И. Вендина, Ю.А. Нижельская, С.Б.Уланова, А.А.Кретов, Н.Ю. Караулов и другие.

Результаты исследования и их обсуждение

Семантические классы в лингвистической литературе определяются следующими критериями**.** Э. Кузнецова определяет «класс одной части речи, имеющих в своих лексических значениях достаточно общий интегральный семантический компонент (компоненты) и типовые уточняющие (дифференциальные) компоненты, также характеризующиеся сходством сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности» [3, 7].

Классы слов – это максимальные установленные образцы проявления лексической парадигматики. Такие проявления существуют в менее или более широких проявлениях объединений слов, которые представляют собой семантические парадигмы. В составе любого класса лежит принцип сходства по определенным критериям. Под семантическими классами мы будем понимать группу слов, которая объединяется общей частеречной принадлежностью.

Традиционно выделяем следующие способы образования новых слов:

1. Суффиксальный. Суффиксальные морфемы имеют важную классифицирующую функцию, благодаря которой, они соотносятся с соответствующими классами понятий. Следующие суффиксы, заимствованные из латинского проявляют высокую словообразовательную активность в английском языке:

-ify *(*etymology: Middle English -ifien, from Anglo-French -ifier, from Latin -ificare, from -i- + -ficare -fy : -fy *-)* – образует глаголы со значением: придавать такое-то качество; приводить к такому-то результату e.g.acidify – подкислять, окислять,fluidify – сжижать; mollify –

смягчать; magnify – увеличивать ;verify – проверять. Эти глаголы образованы от исходного имени по типу суффиксальной деривации и наиболее активны в различных областях науки, например: химия, физика, медицина [WRUED].

-ate **–** (etymology:Middle English -at, from Anglo-French, from Latin -atus, -atum, masculine and neuter of -atus) [ət,-ıt] суффикс встречается в существительных латинского происхождения, обозначающих лицо или группу по их должности, общественному положению, а также сан e.g. pastorate – пасторат; advocate – адвокат; candidate – кандидат; laureate – лауреат. В химии данный суффикс используется для того, чтобы обозначить названия солей сформированные от названия кислот nitrate – нитрат, magnate – магнат, silicate – силикат (исключая кислоты бинарных или галоида); как, сульфат от серной кислоты, нитрат от азотноводородной кислоты.

-ize **–** (etymology: Middle French -iser, from Late Latin -izare, from Greek–**ize**in) образует от прилагательных (реже – от существительных) глаголы со значением 1. приобретать такое-то свойство: e.g diphtongize – дифтонгизироваться; materialize – материализоваться. baptize – крестить, окрестить. Суффикс является продуктивной моделью, который образует глаголы с общим значением «приводить в соответствие, придавать свойства» [WRUED].

-tion – (*etymology L.-tio tionis)* образует существительные из следующих глаголов e.g complete – completion – завершать, завершение; expire – expiration – истекать, истечение (времени); встречается в существительных романского происхождения, обозначающих действие, процесс, состояние; action – действие, preparation – приготовление, comprehension – понимание, осмысление translation – перевод [WRUED].

-ant **–** (etymology from L.-ant) **–** употребляется с прилагательными французского и латинского происхождения: arrogant – высокомерный, fragrant – ароматный; образует прилагательные от глаголов radiant – сияющий; образует названия веществ по их действию: fumigant – фумигант [WRUED].

-dom – (etymology Old English*)* продуктивная модель; образует абстрактные и собирательные существительные, обозначающие: 1) тот или иной общественный статус или явление dukedom – титул герцога; герцогство; nazidom – явление фашизма; -dom, имеющего значение «разряд, класс, состояние, положение» [WRUED].

Суффиксальные морфемы имеют важную классифицирующую функцию, благодаря которой, они соотносятся с соответствующими классами понятий. Суффиксальные производные характерны:

1) для глаголов, со значением: «приводить к какому-то результату, приводить в соответствие, придавать свойства»

2) для: a) имен существительных, обозначающих действие, процесс действия, состояния.

b) для абстрактных существительных

3) для имен прилагательных со значением «высокомерный, сияющий,

2. Префиксальный. Как разновидность аффиксации префиксальный способ словообразования, представлен одним из продуктивных, следующими префиксами:

inter- используется для образования прилагательных от прилагательных и выражает значение «находящейся в пространстве или во времени», а также обозначает предмет, находящемся между двумя или более другими inter-spheral – межсферический, inter-active – интерактивный; interjacent – промежуточный, может присоединяться не только к адъективным, но и субстантивным основам для образования имён существительных. e.g. interplay – взаимодействие, выступать в значении «пере» – intermingle – перемешивать, intersect – перекрещиваться, обозначает временное значение о событии, происходящем в промежутке между двумя

другими inter-paroxysmal period – период между припадками, приступами (болезни), обозначение совместности, обоюдности, деятельности взаимодействия, взаимозависимости inter-territorial –межтерриториальный; обозначение взаимодействия между составными частями единого организма, механизма inter-cranial – внутричерепной; взаимно-interchangeable взаимозаменяемый. Префиксальные производные вносят дополнительный элемент значения [WRUED].

Префикс ***multi-*** (etymology-Latin***)*** имеющий значение многократности, множественности, выделяется в словах e.g multiflorous – многоцветный, многоцветковый; multinuclear – многоядерный, полициклический, multy –purpose – всеохватывающий, [WRUED].

ad-, встречается в словах латинского происхождения с общим значением приближения, примыкания adjoin – примыкать, admix –примешивать,

circum-, (etymology L. circum) встречается в словах латинского происхождения со значением не прямо, в обход, вокруг circumlocution –многословие, иносказание circumscribe – очерчивать, circumvent – обойти, обмануть. Данный префикс образует имена прилагательные и глаголы. [WRUED]

contra-, (etymology from L) встречается в словах латинского происхождения со значением противоположности, противодействия contradiction – противоречие. Образует имена существительные.

de-, (etymology from L. dis) – встречается у глаголов и обозначает действие, обратное тому, которое обозначено производящей глагольной основой, или лишение чего-либо: devitalize – лишать жизненной силы; defrock – расстричь; deexcite – уменьшить уровень возбуждения (элементарных частиц), derecognize – отказаться от дипломатического признания; лишать того, что обозначено производящей именной основой desex – устранить указание на пол, delawyer – отменить участие адвоката (в той или иной процедуре); образует прилагательные со значением образованный -deadjectival – деадъективный, denominative – деноминативный, отыменный; образует основы со значением лишенный уменьшения такого-то атома в молекуле deoxyguanosine – дезоксигуанозин , встречается в глаголах с общим значением уменьшения, понижения: debase – понижать качество,decline– опускаться [WRUED].

dis-, (etymology from Latin dis-) встречается в словах со значением противоположным значению производящей основы или со значением отсутствия, лишения чего-либо disfluency – потеря беглости речи, dishonest –бесчестный, dislike – не любить, встречается в словах, обозначающих разделение, отделение: dismiss – отпускать [WRUED]. Рассмотренные префиксальные морфемы характерны для

1) имен прилагательных, обозначающих «многократность,

2) имен существительных со значением «противоположности, противодействия, противоречия»

3) глаголов, обозначающих действие, обратное тому, которое произведено производящей основой «отпускать, не любить, лишать чего-то».

При рассмотрении префиксальных наименований лиц, предметов, мы определяем то, что префиксы употребляются для передачи расположения одного объекта относительно другого и в рассмотренных примерах они соответствуют предикатам пространственных отношений. Семантика конкретного префикса определяет ориентацию предметов. Когда один предмет выступает в качестве ориентира по отношению к другому, то есть предмет выражает разделение, лишение чего-то или уменьшение. При адъективизации происходит изменение грамматических свойств, отличающих глаголов от прилагательных, существительных от прилагательных, а также изменение на уровне семантики слова. Из всех

признаков, содержащихся в общем значении глагола или существительного выделяется какой-то один, который служит основой для образования нового значения имени прилагательного. Форма слова приобретает особую значимость в связи с тем, что категоризация действительности осуществляется лексическим способом. Грамматические значения, выражают свои определенные зоны, связанные с системой языковых знаний. Отношение компонентов грамматической категории к лексической семантике слов выявляет лексико-грамматические разряды той или иной части речи. Лексическая семантика представлена в образовании основой слова, а грамматическая семантика определяет форму существования этой лексической семантики.

При транспозиции в класс имен прилагательных, существительных, глаголов появляется система новых атрибутов, которые множат число признаков для дальнейшего описания их объектов и для быстрого распознания и отождествления. Производные прилагательные, существительные, глаголы позволяют достичь значительной точности в научных описаниях, в повседневной жизни и общественной лексике. Появление таких категорий в английском языке знаменует усложняющейся и углубляющейся процесс познания мира.

В новом языке происходит процесс переосмысления состава слова, а также к семантическому развитию. Неологизм «устанавливает семантические и ассоциативные связи с родственными однокоренными и однотипными (по морфемной структуре) словами, тем самым делая экономический термин понятным и для неспециалистов. Уточнение и прояснение смысла происходит за счет того, что производное слово, в отличие от заимствованного, обладает расчлененной морфемной структурой, элементы которой связывают его со словом, на которое указывает его основа, а кроме того, с ономасиологическими категориями и субкатегориями, выраженными словообразовательными формантами». [7, 105].

В заключении мы приходим к выводу, что в нашем исследовании при взаимодействии аффикса и производящей основы представляет более широкие возможности изучения семантических признаков аффикса. Мы согласны, что «деривационный формант (аффикс), выступающий средством категоризации слов, формирующий ономасиологический базис» [8], и вслед за Е.С. Кубряковой утверждаем, что он «оказывается всегда носителем только части словообразовательного значения» [5, с.139]. Следовательно, рассмотренные нами заимствованные аффиксы из латинского языка, образуя производные морфемы, объединяются в классы, для которых характерны следующие особенности:

1) семантические признаки объединяют однородные вновь образованные слова, имеющие сходные значения и принадлежащие к одному лексико-грамматическому классу.

2) общий один семантический признак служит основанием для объединения значения новых данных слов.

Рассмотренные аффиксы, заимствованные из латинского языка принадлежат к тем или иным классам слов. «Лексическая система – это не просто структурированная совокупность отдельных слов, а система взаимосвязанных, пересекающихся классов слов разного объема и характера» [4, с.8].

Кроме того, необходимо отметить дидактическую ценность систематического деривационного развития заимствованных аффиксов из латыни в английском языке. Вычленение словообразовательных элементов таких как суффикс и префикс позволяет нам раскрыть лексические и грамматические категории производных слов. Семантическая деривация, связанная с образованием новой номинативной единицы приводит к образованию и изменению структуры вновь образованных

слов. Лексическое содержание слова связано с отражением представлений и понятий о предметах и явлениях действительности. Новое лексическое пространство языка представляет собой особую комбинацию неповторимую и в широком смысле их понимания. Все варианты связаны тождеством специфического лексического значения и различаются особой своей уникальностью. Лексическая семантика оказывается «неотъемлемой частью концептуального содержания слова, по отношению к которому грамматика выступает как концептуальная структура» [10, с.73].

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Вендина Т.И. Семантическая функция суффикса и сопоставительное изучение славянского словообразования // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994. С. 81.

2. Веселая Е.В. Словообразовательное поле глаголов в современном английском языке. Этимологический и структурно семантический аспекты (на основе словаря Concise Oxford English Dictionary,11th ed.2004): дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д. 2009.

3. Кузнецова Э.В. Лексико-семантические группы русских глаголов. Изд-во: Иркутского гос. ун-та, 1989. 176 с.

4. Кузнецова Э.В. Лексико-семантические группы русских глаголов. Изд-во: Уральский ун-т 1989. 151 с.

5. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.

6. Нижельская Ю.А. Структурно-семантическая характеристика словообразовательного поля глаголов американского варианта современного английского языка: дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2009. 190 с.

7. Петрухина Е.В. Расширение концептосферы русского языка и когнитивное варьирование при образовании новых слов // Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира. Когнитивные исследования языка. Выпуск XIX., 2014. С 103-115.

8. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. Учебное пособие. М.: ЭдиториалУРСС, 2000. 384 с.

9. Уланова С.Б. Грамматическая семантика как объект грамматической стилистики: Формо и словообразование в современном английском языке: дис…канд. филол. наук. М., 2006. 2004 с.

10.Шарандин А.Л. Лексическая грамматика как объект когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. Выпуск №3. 2015. С. 72-79.

11.Штелинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке. М.: Изд-во: МГИМО, ЧеРо, 1996. 254 с.

12.Webster's Revised Unabridged English Dictionary. [WRUED]. Пересмотренный полный словарь английского языка Webster. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://slovar-vocab.com/english/websters-revised-dictionary/universal- 8238465. html (дата обращения 10.03.2018)

References

1. Vendina, T. I. (1994), “Semantic function of the suffix and comparative study of Slavic word formation”, *Teoreticheskiye i metodologicheskiye problemy sopostavitel'nogo izucheniya slavyanskikh yazykov* [Theoretical and Methodological Problems of Comparative Study of Slavic Languages], Moscow, Russia, P. 81. [in Russian].

2. Vesèlaya, E. V. (2009), *Word-formation field of verbs in modern English. Etymological, structural and semantic aspects (based on dictionary Concise Oxford English Dictionary,11th ed.2004): dis. kand. Philol. of Sciences*, Rostov, Russia. [in Russian].

3. Kuznetsova, E. V. (1989), *Leksiko-semanticheskiye gruppy russkikh glagolov* [Lexico-semantic Groups of Russian Verbs], Izdatelstvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, Irkutsk, Russia. [in Russian].

4. Kuznetsova, E. V. (1989), *Leksiko-semanticheskiye gruppy russkikh glagolov* [Lexi-co-semantic Groups of Russian Verbs], Izdatelstvo uralskiy universitet, Irkutsk, Russia. [in Russian].

5. Kubryakova, E. S. (1981), *The Types of the Language Values. Semantics of the Derived Word*, Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

6. Nizhelskay, Y. A. (2003), "Structural-semantic characteristics of verbs word-building fields of the American version of modern English", Abstract of Ph.D. dissertation, Rostov-on-don, Russia. [in Russian].

7. Petrukhina, E. V. (2014), "Expansion of the conceptosphere of the Russian language and cognitive variation in the formation of new words", *Kognitivnoe var'irovanie v yazykovoj interpretacii mira. Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive variation in the language interpretation of the world. Cognitive language research], Vypusk XIX, P. 103-115. [in Russian].

8. Plungyan, V. A. (2000), *General morphology. Introduction to the subject: textbook*, Editorial URSS, Moscow, Russia. [in Russian].

9. Ulanova, S. B. (2006), "Grammatical semantics as a grammatical object of stylistics: in terms of form and word-formation in modern English", Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia. [in Russian].

10.Sharandin, A. L. (2015), "Lexical grammar as an object of cognitive linguistics", *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of cognitive linguistics], No. 3, P. 72-79. [in Russian].

11.Shteling, D. A. (1996), *Grammatical semantics of the English language. Human factor in the language*, MGIMO, CHeRo, Moscow, Russia. [in Russian].

12.Webster's Revised Unabridged English Dictionary [WRUED], *Peresmotrennyj polnyj slovar anglijskogo yazyka Webster* (2012) [Online], available at: http://slovar-vocab.com/english/websters-revised-dictionary/universal- 8238465. html (date of access: 10 February, 2018).

Янутик Стелла Яновна, старший преподаватель.

Stella Y. Yanutik, Senior Lecturer.